

Сергей
Четвертков

HERR ДОКТОР И ЧЕТЫРЕ ЧЕМОДАНА

действующие лица:

Доктор.

Берта, его дочь.

Хром, ассистент и ученик доктора; хромает на одну ногу.

Розенблюм.

Гольденфарб.

Хор во главе с Эдипом и Антигоной.

Тетка Розенблюма, пациентка доктора.

Отец доктора.

Призрак отца доктора.

Борт, член муниципалитета.

Полицмейстер.

Вильгельмина, служанка в семье доктора.

Фон Захер-Мазох.

Берта У., пациентка доктора.

Муж тетки Розенблюма.

Жена доктора.

Гау, человек-собака, пациент доктора.

Пфаф, человек-невидимка, пациент доктора.

Пациенты.

Полицейские.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Нью-Йорк, Бруклин. Полутемная комната. На широкой кровати полулежит седоволосый старик - отец доктора. В изголовье кровати, на столике горит свеча. Рядом с кроватью сидят на стульях Гольденфарб и Розенблюм. Перед тем как начать говорить отец доктора некоторое время кашляет.

Отец доктора. Дети мои, мне трудно говорить...

И вы, услышав все, меня поймете...

Как будто чья-то тяжелая ладонь
лежит на горле у меня и пресекает
дыханье всякий раз, как соберусь
о злодеянии неслыханном поведать...

Но что ж тут плакать, тратить ваше время
на скрежет мой зубовой, на стенанья,
когда всем этим я могу всегда
наедине с самим собой заняться...

А потому, в кулак собрав все силы,
всю старческую немощную волю,
призвав Всевышнего в помощники,
начну...

Гольденфарб. Мы слушаем вас, папа...

Розенблюм. Говорите...

Отец (раскачиваясь из стороны в сторону). Ой-ей-ей ей!.. (что-то шепчет).

Гольденфарб. Может водички?..

Отец. Не хочу. Итак:

Тому лет сорок минуло уже,
но все стоит перед глазами, будто
произошло не дале, чем вчера...

Однажды ночью, в час когда семья
вся почивала мирно, только я
ворочался в постели с боку на бок,
итожа прожитый в заботах трудный день,
до слуха моего донесся
из комнаты супруги шум какой-то:
как будто кто-то умолял кого-то,
потом упало что-то... Я вскочил
и, прихватив в подсвечнике тяжелом
свечу и спички, побежал туда.
И что же я увидел? На кровати
под натиском насильника в исподнем,
с зажатым ртом, сопротивляясь, билась
жена моя... Не медля ни секунды,
нанес ему удар я по затылку
и он, как куль, скатился сразу на пол.
Тут прибежали дочери, прислуга,
поднялся шум, жена моя рыдала,
а я тем временем дрожащими руками
зажег свечу в подсвечнике, склонился
к поверженному мною негодяю,
чтоб гнусное обличье рассмотреть...
и... лучше бы я слеп был от рожденья!
Нет - лучше бы совсем я не родился!
Передо мною, руки распростерши,
лежал мой сын, мой первенец, наследник!
«Не верю!», завопил я что есть мочи,
и встал средь комнаты, как громом пораженный.
Тут все, кто был, заговорили разом,
все бросились ко мне, тесня друг друга,
перебивая, дергая локтями,
и я из их речей узнал такое,
что и теперь дивлюсь: как это вышло,
что я тогда рассудка не лишился?..
Я сокрушался, что родился зрячим,
но разве не был я слепым, когда под боком
такое непотребство совершалось?
Когда все дочери мои, моя прислуга,
соседи женского и мужеского пола,
всех наций, возрастов, исповеданий веры -
все подвергались грязным домоганьям
и, связанные круговой порукой

стыда и страха, до сих пор молчали!..
 И вот пока я слушал причитанья
 и жалобные пени домочадцев,
 сей выродок, сей Азазель треклятый
 пришел в себя и, как и был в исподнем,
 к дверям рванувшись, раскидал кричащих
 и был таков...

...Почти четыре года
 потратил я на поиски, поклявшись,
 его найти во что бы то ни стало,
 чтоб придушить вот этими руками.
 Я не жалел ни времени, ни денег,
 я обещал немалую награду
 тому, кто мне поможет... только тщетно...
 исчез мерзавец, будто в воду канул...

(отпивает воды из стакана)

...Что ж... тридцать лет прошло... и я смирился
 с тем, что останется невыполненной клятва,
 и я - поруганный, покоя не нашедший -
 уйду из мира с этой тяжелой ношей...
 Но вот на днях нежданно-негаданно
 приходит из Европы мне посланье
 от тамошнего ювелира, друга детства,
 в котором он, ручаясь мне за точность,
 столь свойственную этому занятию,
 вдруг сообщает: тот, кого искал я,
 им обнаружен в Вене - и теперь он
 какой-то знаменитейший профессор;
 его труды выходят повсеместно
 и чуть ли не за нового пророка
 его теперь в Европе почитают.
 Прочтя все это, я возрадовался было,
 но радость и минуты не продлилась,
 как слезы потекли из глаз ручьями...
 Что толку мне от этого известья?
 Что я могу - одной ногой стоящий
 уже в могиле немощный калека?
 Скрипеть зубами? Изрыгать проклятья?
 Рвать волосы и раздирать одежды?
 Нет, лучше б я в неведении умер...

Гольденфарб. Отец, не продолжайте - тут все ясно!

Хоть завтра мы готовы плыть в Европу!

Розенблюм. Все, что ни скажете мы в точности исполним!

И отговаривать не думайте нас даже!

Когда откажетесь - его найдем мы сами...

Старик. Спасибо, дети, милые... Поверьте,

не для того сиротами я взял вас,

чтоб мстителей растить. Господь свидетель,

спокойней мне, когда со мной вы, рядом,

но... не могу я! не могу смириться!

(потрясает кулаками в воздухе, а потом колотит ими в постель)

От ярости кровь в жилах закипает,

и сердце разрывается на части,

и молотом в мозгу одно и то же:

злодей ответить должен по закону!

Злодей ответить должен по закону!

Злодей... ответить... должен... должен... должен...

(умолкает и устало откидывается на подушку)

Гольденфарб (после паузы). Отец, мы ждем. Скажите что нам делать.

Розенблюм. И мы вам свою преданность докажем.

Старик. Что ж, слушайте тогда... придвиньтесь ближе...

(Гольденфарб и Розенблюм, сдвинувшись плотнее, придвигаются к отцу и тот начинает им что-то шептать).

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната, обставленная недорогой мебелью. Справа выход в коридор и далее в переднюю. В глубине, в средней стене, три двери: одна, слева, ведет в кабинет доктора; другая, посредине, в комнату дочери доктора; третья, справа, в комнату жены доктора. Между дверью слева и дверью посредине стоит рояль; над ним висит большой фотографический портрет хозяина - седобородый лысый мужчина с сигарой в руке, стоя вполоборота, строго взирает на зрителя. Посредине левой боковой стены окно. Около окна круглый стол с креслами и диваном; рядом с диваном стоят часы. У правой стены, несколько подалее вглубь, изразцовая печь; перед нею два кресла и столик. По стенам висят гравюры. Этажерка с фарфоровыми и прочими безделушками, книжный шкафчик с книгами в роскошных переплетах. Посредине комнаты очень большой, накрытый к ужину стол. На полу ковер. В печке огонь.

Зимний вечер.

(В комнате темно. Сверху падает луч света и в нем появляется призрак отца доктора. Он ходит в луче света по комнате, останавливается перед часами, недовольно хлопает себя по ляжкам).

Призрак. Семь часов почти... Почему он не выходит?..

(Призрак выходит из луча и исчезает. Часы возле дивана бьют семь раз. С четвертым ударом свет в комнате загорается и из кабинета выходят пациентка и доктор. Он как две капли воды похож на свой фотопортрет за спиной - та же часовая цепочка, та же сигара в руке. У изразцовой печи расположился Хор - трое мужчин и женщина. Мужчина в черных очках и с тростью (Эдип) и женщина (Антигона) сидят в креслах за столиком, двое остальных участников Хора стоят).

Пациентка. Мой племянник тоже большой поклонник вашей анальной школы...

Доктор. Аналитической...

Пациентка. Как?

Доктор. Аналитической, госпожа Розенблюм... А-на-ли-ти-ческой...

Пациентка. Надо записать, а то я все время путаю... (доставая из ридикюля книжечку и карандаш). Запишу, на всякий случай...

Эдип. Он здесь уже?

Антигона. Да вот же говорит.

Эдип. Каков он из себя, этот паскудник?

(Антигона, приложив ладонь к уху отца, шепотом описывает ему доктора, помогая себе жестами: проглаживая себя по голове, показывает лысину, потом двумя расставленными пальцами сигару, цепочку от часов. В это время свет гаснет и на доктора опускается луч света; такой же луч света возникает около изразцовой печи и в него вступает призрак отца).

Призрак (грозя полусогнутым пальцем). Твоя жизнь висит на волоске, слышишь, выродок? Мое возмездие неотвратимо и уже близко... Увидишь!..

Доктор (показывая призраку кукиш). На вот, выкуси!.. Урод!.. Кто ты вообще такой?!..

Призрак. Тьфу на тебя! (плюется) Сдохни!!!

Доктор. На тебя тьфу, придурок! (тоже плюется) Сам сдохни!!!
Призрак. Я уже неделю как умер, идиот!..

(Призрак еще раз плюет себе под ноги и выходит из светового луча; загорается свет; доктор озабоченно стирает плевков с рукава пиджака).

Доктор (про себя). Что-то он зачастил в последнее время...

Эдип. Кто это был?

Антигона. Его отец несчастный... точнее тень его...

Эдип. А-а, понял-понял... Ну что скажешь, доктор?

Доктор (махнув рукой). Обычное переутомление...

Эдип. Да, переутомленье, как же! А что такое нечистая совесть никогда не слышал? Ну что ж, посмотрим как это переутомленье с тобой разделается...

Антигона. Папа, перестань!

Пациентка (пряча в ридикюль книжечку и карандаш) Он на днях должен приехать из Америки, мечтает с вами познакомиться... и, может быть, заодно подлечиться...

Доктор. Кто должен приехать?..

Пациентка. Мой племянник. Вернее, племянник моего мужа.

(Опять как и в прошлый раз гаснет свет, кроме двух лучей; в луче возле печи снова появляется призрак отца).

Призрак. Забыл тебя предупредить. Смерть твоя будет ужасна!

(Эдип, заложив трость под мышку, аплодирует; к нему присоединяется и весь остальной хор. Доктор остервенело топает ногой об пол, свет загорается и призрак, заметавшись, убегает за печку. Доктор вырывает из руки пациентки ридикюль и швыряет вслед убежавшему).

Доктор. Извините, мне почудилась крыса.

Пациентка. У вас есть крысы?!

Доктор (идя за сумочкой) Ну, вообще-то, есть... Один. Крыс. Характерный случай подавления гомосексуальных фантазий... (возвращаясь и отдавая ридикюль) Кроме того, в детстве ему пришлось стать случайным свидетелем полового акта между родителями.

Пациентка. Потрясающе! Как вы это узнали?

Доктор. Он мне рассказывал...

Пациентка. Кто?

Доктор. Лоренц. Человек-крыса. У меня есть еще человек-собака, человек-хорек... В общем, много тут всякого... Если б человек-собака был бы фокстерьером, например, он мог бы загрызть крысу... да и хорька тоже... и, может быть, к лучшему... но он, кажется, другой породы... Кстати, не мешало бы выяснить какой... (задумывается) Да, но почему никто не выходит ужинать?.. (надрывно кричит) Берта!!!

(Пациентка вздрагивает. На крик доктора выбегает девушка лет 16-ти, дочь доктора - Берта).

Дочь. Я, папа. Ты меня звал?

(Доктор тяжело исподлобья смотрит на дочь)

Дочь. Не кажется ли тебе, папа, что каждый раз, когда ты зовешь «Берта», ты на самом деле имеешь в виду не меня, а Берту У.? А почему бы тебе просто не позвать: У! (кричит, задрал голову) Ууу! Ууу! Ууу!

Доктор. Ууу!

(Из под стола, из под скатерти выбегает человек-собака на четвереньках и, разрывая коленками паркет, тоже начинает выть в воздух).

Человек-собака. Ууу!

(Так, под удивленным взглядом пациентки, все трое воют некоторое время. Доктор достает платок и утирает рот).

Доктор. Это я называю сублимацией. Или просто разрядкой. Молчать!!!

(Дочь тут же скрывается за дверью. Человек-собака замолкает и, виляя задом, преданно смотрит на доктора. Доктор топает ногой и человек-собака убегает под стол. Доктор берет пациентку за руку и ведет к столу. Приподнимает скатерть).

Доктор. Смотрите, сколько тут всего... Мой, так сказать, рабочий материал... Пока нет клиники приходится их держать здесь...

(Пространство под столом полностью забито какими-то чумазыми преданными лицами).

Пациентка. Бедненькие... Я обязательно поговорю с мужем. Думаю, он будет рад вам помочь...

Доктор. Поговорите, поговорите... Ситуация, как видите, критическая. Единственное утешение - они всегда под рукой...

(Доктор бросает скатерть, громко бьет в ладоши и кричит: «Ужин, ужин, ужин!..» так, что это превращается сначала в «Ну же, ну же, ну же!..», а потом в «Нужен, нужен, нужен!..» На его зов опять появляется дочь).

Дочь. Папа, кто тебе нужен?

Доктор. Мне нужен ужин. Почему никто не выходит?

Дочь. Папа, но это же так просто...

(Дочь подходит к столу, берет с него колокольчик, звонит, ставит на стол).

Доктор. Постоянно забываю про этот чертов колокольчик...

Дочь. У нас сегодня ужинает господин Борт...

(Доктор, дочь и пациентка усаживаются за стол. Из одной двери выходит и идет к столу жена доктора - маленькая понурая женщина с распущенными волосами, из другой ассистент Хром и господин Борт).

Пациентка. Доктор, а вот эти ваши пациенты (она показывает указательным пальцем в столешницу), они носят названия животных потому что они их изображают, да? Это какое-то особое заболевание?..

Доктор (наливая в тарелку суп). Ну, сейчас-то это, конечно, уже заболевание, а вообще-то они стали изображать зверушек уже после того как я их назвал. Я думаю, они делают это во-первых, из желания мне угодить и даже подольстится, и такое подобострастное отношение пациентов к своему доктору не редкость. Ну и во-вторых, конечно же, потому, что мечтают прославиться. Стать моими знаменитыми пациентами. Такие примеры уже есть. Рассчитывают войти, так сказать, вместе со мной в анналы...

Пациентка. Куда, простите, не расслышала...

Доктор. В ан-налы. С двумя «н». Что, в общем, тоже является одним из ярчайших проявлений анального типа.

Пациентка. Это уже с одним «н»?

Доктор. С одним, с одним...

Борт. Простите, доктор, что вмешиваюсь, но может быть имеет смысл в таком случае ввести в научный обиход и термин «аннальный тип»? (Гостье) С двумя «н»...

Хром. Это совершенно ни к чему, поскольку «аннальный тип», с двумя «н» это, в принципе, прямой аналог и производное «анального типа» с одним...

Пациентка. (через стол дотрагиваясь до руки дочери; вполголоса). Берточка! «Аналог» - с двумя «н»?

(Дочка в ответ показывает ей палец).

Пациентка. Спасибо. (доктору) Как же тогда появились эти забавные прозвища?

Доктор. А очень просто. Вот снятся человеку, например, собаки - мы его называем: человек-собака, снятся крысы - человек-крыса и так далее. Или вот, например, у меня тут был недавно пациент из России, так ему постоянно снился начальник тюрьмы, в которой он сидел... по фамилии... как его?.. не помню уже...

Хром. Троцкий.

Доктор. Да, совершенно верно - Троцкий! Ну вот мы его так и называли - человек-троцкий... (Хрому) А интересно, Хром, изображает ли он сейчас у себя в России этого Троцкого? Меня-то там нету...

Хром. Да, любопытно было бы узнать...

Эдип. Кто этот Троцкий?

Антигона. Папа, я не знаю...

Эдип. Какой-нибудь, должно быть, бедолага, которого он тоже очернил, как и меня...

Антигона. Возможно. Дай послушать.

Борт (хихикнув). А если мужчинам довольно частенько снятся, прошу прощения, дамы?..

Дочь. Апропо, папа!

Доктор. Да.

Дочь. Я тут недавно беседовала с Бертой...

Доктор (строго). С какой Бертой?

(Далее во время реплики дочери доктор мрачнеет все больше и больше).

Дочь. Ну не с собой же! С твоей любимой пациенткой, с Бертой У., которую ты уже вписал в эти свои анналы. И вот какая интересная выходит картина. Она мне рассказала, что ей постоянно снишься ты. Значит мы могли бы назвать Берту У. человеком-доктором, правильно? Но и ты тоже не раз говорил, что тебе часто снится Берта У. То есть мы могли бы назвать тебя в свою очередь человеком-Бертой У. Но дело в том, что тебе снится ведь не просто Берта У., а Берта У., которой снишься ты, то есть человек-доктор Берта У., значит и ты не просто человек-Берта У., а человек-человек-доктор Берта У. А Берта У., которой снится уже человек-человек-доктор Берта У., то есть ты, это уже (начинает что-то беззвучно шептать, закатив глаза и зажимая один за другим пальцы) В общем, не знаю с кого тут у вас пошло, но такая вот петрушка получается...

Доктор. А кто тебе вообще разрешил беседовать с Бертой У.?

Дочь. А почему это я не могу с ней побеседовать?

Доктор (вытянув из под воротника и швырнув на стол салфетку). А потому это, что я тебе запретил приставать к моим пациентам!

Дочь. А мне надоело анализировать своих кукол! Я уже взрослая! Я тебя просила на свой день рождения уступить мне человека-крысу, хотя бы на неделю!

Доктор. Вот паршивка неблагодарная! Я же отдал тебе Пфафа!

Дочь. А зачем мне твой Пфаф, когда он не хочет отвечать на мои вопросы?! Он же человек-невидимка! Он только меня щупает и молчит!..

Доктор. Что?! Пфаф, а ну иди сюда!!! Немедленно сюда, негодяй!

Дочь. И я вообще не понимаю: что он такое видит во сне, что ты его назвал человеком-невидимкой?

Доктор. Он ничего не видит - он думает, что он невидимка! Пфаф, зараза, где ты?!

Борт (озираясь). А может быть он уже где-то здесь?

Дочь. Тогда, дорогой папочка, это просто методологический произвол. Человек-собака у тебя собака, потому что видит во сне собак, а Пфаф - невидимка, потому что считает что он невидим. Извини, но не вижу тут никакой логики, папочка, в упор не вижу...

Доктор. Нет, вы слышали что-нибудь подобное?! Эта пигалица будет учить меня логике!.. А ну вон из-за стола!..

Дочь. Ты уже обделался один раз с Эдипом, что, нет?.. Несчастный грек только о том и думал как бы всего этого избежать, а ты ему внаглую присобачил свой комплекс!..

Доктор. Что-о?!!

Эдип (вскакивая).

О, наконец-то! Слушай дочь, негодник!
 Хоть ты ее порядочно подпортил
 и задурил ей голову своею
 анально-генитальной дребеденью,
 все ж не совсем еще лишил рассудка.

(Эдип начинает двигаться в сторону стола, помахивая перед собой тростью; его поддерживает под руку Антигона. За ними встают и идут остальные участники хора. С каждым словом Эдип распаляется все больше и больше. Антигона пытается его успокоить: «Папа, перестань... папа...». Далее, на словах «ты выставил гнуснейшим извращенцем...», Эдип попадает концом трости в грудь жены доктора и та остервенело отбрасывает трость. Борт вскакивает, произнося: «Это безобразие!», вместе с ним встает Хром и они направляются к Эдипу. Антигона тянет кричащего Эдипа назад, в сторону передней. Хор молча отесняет и отталкивает рвущихся к Эдипу Борта и Хрома. Доктор, сложив руки на груди, смотрит на все это с усмешкой; на словах «дочь, верную отцу...» вставляет: «или сестричку...»).

Антигона. Папа...

Эдип. Нет, уж позволь мне высказать ему что накипело!

Покоя мне не будет, если не скажу...

(Доктору)

Как повернулся твой язык поганый?!..

Меня, того, кто приложил все силы,

чтоб избежать начертанного роком

кто бросил дом, надежду на корону,

и любящих родителей своих,

ты выставил гнуснейшим извращенцем,

который ищет как убить отца

и с матерью своей сойтись на ложе!..

Бывала ли грязнее клевета!

Бывали ли грязнее обвиненья!

О, боги, где ваши глаза и уши!..

А как ты Антигону обесчестил -

дочь, верную отцу, что добровольно

изгнанья горький хлеб со мной делила?!..

Ее заботу обо мне увечном,

ее святой и чистый долг дочерний

как ты истолковал?..

А?!..

Где ты?..

Что молчишь?..

Так знай же:

не обольщайся и не строй иллюзий!
Своими бреднями и мерзкой чепухой
ты никогда и никого не проведешь -
что лживо названо, то и скрывает ложь!

Доктор. Ну, это мы еще посмотрим...

Антигона (уводя Эдипа в переднюю). Всё, папа... хорошо, хватит, успокойся... идем... ну что ты в самом деле... Ты не забывай - мы же все таки хор...

(Хор уходит. Борт и Хром возвращаются на свои места).

Доктор (дочери, указывая пальцем) А тебе я, кажется, сказал - марш отсюда, сейчас же!

Дочь (резко вскакивая и тоже указывая на отца пальцем) Хорошо папа, я уйду! Но, возвращаясь к нашему разговору, хочу тебе напоследок сказать, что такого анального типа, как ты, свет еще не видывал! Ты ни на шаг не отпускаешь и собираешь, собираешь, держишь вокруг себя своих больных, точно также, как ты копишь в своем кишечнике свои драгоценные каловые массы! Поэтому у тебя и запоры постоянные, и геморрой! Не можешь с ними расстаться! Анальный эротоман - вот ты кто! Фекальный параноик!

Жена доктора (ударив со всей силы по столу, кричит). Да дайте же хоть раз поесть нормально! Чтоб вы сдохли уже все - как вы мне надоели! Анальный! Генитальный! Я хочу хоть раз спокойно, орально, принять пищу! Сколько можно просить не говорить за столом о своей проклятой работе! Сволочи... Чтоб вы уже все онемели...

(Жена доктора берет тарелку с ложкой, уходит. Дочь доктора убегает в свою комнату и громко хлопает дверью. В передней раздается звон дверного колокольчика. Из под стола выскакивает человек-собака и с громким лаем бежит в переднюю).

Борт. Господин доктор, мне пришла в голову забавная мысль. Если бы, согласно вашей теории, Антигона, так сказать, реализовала бы свой комплекс, а ее папаша свой, то у него от нее появились бы дети, которые одновременно бы приходились ему внуками и племянниками, а ей соответственно братьями и дядьями...

Служанка. Херр полицмейстер...

(Вслед за служанкой входит полицмейстер. Он треплет по голове весело бегущего рядом, радостно повизгивающего человека-собаку. Человек-собака скрывается под столом).

Полицмейстер. Добрый вечер, господа... приятного аппетита...

Доктор. Присаживайтесь, господин полицмейстер, отужинайте с нами...

Полицмейстер. Благодарю покорно, я только что из-за стола... Я, пожалуй, посижу пока здесь, покурю... подожду пока вы закончите...

(Полицмейстер подходит к круглому столу, садится в одно из кресел, достает папиросы и спички).

Доктор. Да мы, в общем-то, закончили... Я присоединяюсь к вам.

(Доктор встает из-за стола, подходит к круглому столу, садится на диван; раскрывает ящик с сигарами, достает одну, прикуривает. Из-за стола поднимается Хром).

Хром. Извините, но мне надо работать...

(Хром уходит вглубь сцены и исчезает за одной из дверей. За столом остаются Борт и пациентка - они сидят друг напротив друга и о чем-то негромко разговаривают; возле кафельной печи появляется призрак отца доктора; стоит и смотрит на доктора).

Доктор (указывая на призрака). Он с вами пришел?

Полицмейстер. Кто, доктор?

Доктор. Вот этот...

Полицмейстер. Вы про кого, доктор?..

(Призрак выходит из гостиной).

Доктор. Ладно, ничего...

Полицмейстер. Вы кажется чем-то расстроены?..

Доктор. Чепуха... Немного поругался с дочерью...

Полицмейстер (вздыхая). Да... молодежь-молодежь... и чего им только не хватает...

Доктор (негромко). Прибью когда-нибудь эту сучку...

Полицмейстер. Что?..

Доктор. Ничего... это я так... мысли вслух... Что у вас нового в департаменте?..

Полицмейстер. Да так... рутина... Хотя и новости кое какие есть... Довольно, впрочем, неприятные...

Доктор. Убийство? Ограбление?..

Полицмейстер. Да нет... хотя и этого хватает... Одно довольно странное сообщение из Америки... Вы кажется там бывали?..

Доктор. Не то что бывал, но родился и жил почти до двадцати лет...

Полицмейстер. Кстати, доктор, моей жене приснился на днях интересный сон: будто она выходит из кондитерской, поднимается в воздух и летит в Америку, а Америка это такая огромная шляпная коробка и в ней по кругу быстро бегают маленькая белая собачка, ну что-то вроде шпица... Как вы думаете, что это значит?..

Доктор. Ну, летание во сне это, естественно, образ эрекции, что я уже давным-давно открыл и описал. Помните эти античные фаллосы с крыльями?..

Полицмейстер. Но моя жена - женщина...

Доктор. Ну и что? Эка невидаль! Это глубоко спрятанная в подсознание зависть к вам, как к обладателю этой штуковины, и ее мечта иметь такую же реализуется в снах. И даже более того - она себя отождествляет с этой штуковиной.

Полицмейстер. С крыльями?

Доктор. Почему с крыльями? У вас что, есть крылья?

Полицмейстер. Нет, конечно! Но вы сами сказали про крылья...

Доктор. Это я просто привел в пример античную символику...

Полицмейстер. А-аа... Ну, хорошо хоть так, а то даже представить страшно...

Доктор. И что там в Америке?

Полицмейстер. А в Америке быстро бегают по кругу маленькая белая собачка!

Доктор (с удивлением смотрит на полицмейстера). Какая собачка?

Полицмейстер. Жена сказала, что-то вроде шпица... (смотрит на доктора) Ах, вы про ту Америку, про настоящую! А я думал, что вы про шляпную коробку!.. Извините. А все таки что она значит, эта коробка?

Доктор. Коробка это вы, естественно.

Полицмейстер. Я?!

Доктор. Ну не я же. В подсознательных фантазиях вашей супруги она подвергает вас кастрации...

Полицмейстер. О, Господи...

Доктор. ...присваивает себе отнятый у вас орган, перевоплощается в него, а вас превращает в коробку, довольно большую, чтобы не промахнуться и погрузиться в нее целиком, как и сама она всегда мечтала о том, чтобы целиком поглотить вас... То есть, в определенном смысле коробка это, конечно, она, а летящая штуковина это вы, но это только верхний слой ее подсознательных фантазий, а на глубинном уровне - то, что я вам только что говорил, то есть наоборот...

Полицмейстер. А собачка?

Доктор. Собачка тоже вы. Это ее стремление заключить вас в эту ситуацию, лишить возможности уклониться, во что бы то ни стало навязать вам пассивную роль коробки, но такой выбор она сделала из подсознательного протеста, потому что сама чувствует себя этой заключенной в коробку собачкой, в чем также подсознательно винит вас...

(В гостиной появляется человек-невидимка Пфаф - он в халате и босиком. Бесшумно ступая, он подходит к столу, берет половник и начинает хлебать суп прямо из супницы).

Пациентка. Ой, кто это?

Борт (прикладывая палец к губам). Тсс! Это Пфаф, человек-невидимка. Сделайте вид, что вы его не видите...

(Доктор, прервав беседу, делает полицмейстеру знак и сзади подкрадывается к Пфафу. Подкравшись, он что есть силы бьет Пфафа по уху, потом еще раз, еще, а когда Пфаф падает, начинает бить его ногами. За все время экзекуции Пфаф не издает ни звука).

Доктор. Я тебе дам лапоть мою дочь! Сукин ты сын! Скотина!

(Одна из дверей открывается и на пороге показывается дочь).

Дочь. Тебе можно, Хрому можно, а ему нельзя, да?! (и тут же закрывает дверь).

(Доктор отвлекается на ее крик и в это время Пфаф вскакивает и отбегает. Доктор кидается было к нему, но Пфаф опять отбегает; стоит, переминаясь с ноги на ногу).

Доктор (грозя кулаком). Еще раз услышу - убью!

Пфаф (прыгая на месте и сжав на груди ладони). Промахнулся, промахнулся! Ни разу не попал!

(Доктор делает движение в его сторону и Пфаф убегает из гостиной. Доктор, одергивая сюртук, возвращается к полицмейстеру).

Доктор. Так что там в Америке?

Полицмейстер. В настоящей?

Доктор. Ну не в коробке же. Про нее мы уже, кажется, выяснили...

Полицмейстер. Из Америки нам пришло несколько странное и не совсем ясное предуведомление... В нем сообщается, что будто бы недавно, кем - неизвестно, нанятый убийца отправился аж с Ближнего Востока в благословенную столицу нашу...

Доктор. А почему вы так странно выражаетесь?..

Полицмейстер. Я? А как я выражаюсь?..

Доктор. Да вот как-то странно... прямо как в пьесах этого педераста Шекспира...

Полицмейстер. Да? Прошу прощения, не заметил... А что, Шекспир действительно был... этим самым?

Доктор. Ну конечно. Тот еще был любитель. Просто тщательно это скрывал...

Полицмейстер. То есть с мужчинами он все таки не это?..

Доктор. Я же говорю, скрывал. Даже от самого себя.

Полицмейстер. С вами, доктор, просто страшно разговаривать. Вы людей насквозь видите.

Доктор. Такая у меня работа. Продолжайте...

Полицмейстер. Да, так вот. В общем к нам сюда в Вену едет какой-то наемный убийца. Больше ничего определенного не сообщается. Кого он едет убивать? За что? Кому из наших горожан грозит опасность? Еще лишь говорится, что с собой он в багаже везет четыре чемодана. Не знаю что и думать... Может быть, то просто его вещи, а что если...

Доктор. Вы опять?

Полицмейстер (испуганно). Что «опять», доктор?

Доктор. Ну вы опять так разговариваете!

Полицмейстер. В самом деле? Что ж это такое? Вы только не подумайте, доктор, у меня никогда даже в мыслях такого не было, клянусь вам!

Доктор. Вы про что это?

Полицмейстер. Ну, про то, что у Шекспира было... Ни-ни, ни сном, ни духом... Слово чести! Женщины... девицы... на маленьких

девочек нет-нет, да иногда и потянет, а этого - ни-ког-да!.. Как по мне, так я бы этих шекспиров просто отдавал бы в каторжные работы. Без суда и следствия.

Доктор. Ну а если бы вы вдруг про меня такое узнали? Тоже в каторжные?

Полицмейстер. Про вас?.. Нет, ну что ж я не понимаю! Вы делали бы это для науки, для нас всех... ну, это вот как рассказывают про врачей, которые на себе испытывают всякие прививки, вакцины... Пастер, там, и всякое такое прочее... Это совсем-совсем другое...

Доктор. Так что же там с чемоданами? Чем они вас напугали...

Полицмейстер. Я же говорю: может быть там просто вещи... а вдруг это адская машина? Вдруг он - террорист, и хочет у нас здесь кого-то или что-то взорвать?.. Мы же не можем проверять всех людей с чемоданами! В Вену каждый день приезжают тысячи...

Доктор (задумчиво). Чемодан это вагина...

Полицмейстер. Вы думаете?

Доктор. И думать нечего. Давно установленный факт. В детстве, небось, любили прятаться в чемоданах...

Полицмейстер. Да, вы знаете, что-то такое припоминаю...

Доктор. Ну вот... Гм... Четыре говорите?.. Может быть он мусульманин?.. Ближний восток опять же... Нет. Скорее здесь подавленная фантазия иметь гарем и путешествовать на манер какого-нибудь шейха... Интересно бы было с ним поработать...

Полицмейстер. А может у него просто много вещей?.. К тому же сообщают, что убийц может быть и двое, а не один...

Доктор. Тогда это оргия. Сами посудите - двое мужчин, четыре чемодана... Это должны быть пара таких... пара таких полнокровных веселых болванов, скорее всего немцы... мордатые такие (показывает) кровь с молоком... возьмите это на заметку...

Полицмейстер. Спасибо, доктор, будем иметь в виду...

Доктор. (поднимаясь) Прошу прощения, господа, но мне придется вас покинуть. У нас сегодня ночью большой аналитический штурм и мне надо перед этим немного отдохнуть...

(Полицмейстер, Борт и пациентка встают и прощаются с доктором).

Доктор. Вильгельмина! Проводи гостей!

(Доктор, поклонившись, уходит в кабинет, а гости идут в переднюю).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Очень бедная комнатенка. Две кровати, умывальник, платяной шкаф, стол с керосиновой лампой в центре, два стула. На кроватях, друг напротив друга сидят Гольденфарб и Розенблюм. Между ними стоят четыре огромных чемодана. В комнате присутствует хор. Розенблюм раздраженно пинает ногой один из чемоданов.

Гольденфарб. Чего ты?

Розенблюм. Надоело все это...

Гольденфарб. Что значит «надоело»?

Розенблюм (пожимая плечами). Не знаю... Надоело и все. Домой хочу...

Гольденфарб. Ну что ж... терпи... Недолго еще...

Розенблюм. Слушай, а может быть наш старик погорячился?.. Может быть он вообще уже был в не в своем уме, а мы все приняли за чистую монету? Тебе такое в голову не приходило?

Хор. Тревожный знак, тревожный...

Гольденфарб. А ты не поздно спохватился?.. (пауза) Да ты просто переутомился - дорога, встречи, много впечатлений... Ты ведь, небось, ни разу из Нью-Йорка и не выезжал?..

(Розенблюм грустно качает головой).

Гольденфарб. Ничего... Вот на днях тетушка тебя отведет к этому уроду, войдешь в курс дела, а дальше оно уже само покатится... это временная слабость...

Розенблюм. Не знаю...

Гольденфарб. Кстати, я подумал и решил, что нам все таки придется несколько изменить свой план действий...

Розенблюм. Каким образом?..

Гольденфарб. Не пугайся, это касается только меня... Ты остаешься пациентом, а мне придется каким-то другим образом внедряться в эту семейку... Может быть я наймусь на работу... у них или их соседей...

Розенблюм. К чему такие сложности?

Гольденфарб. Если мы оба представимся пациентами, у нас возникнут большие трудности с нашими чемоданами. Под каким предлогом мы их туда принесем?.. Выманить куда-нибудь доктора нам тоже вряд ли удастся... А если бы я смог там где-нибудь пристроиться, я бы их постепенно, один за другим, туда перетащил... Что ты об этом думаешь?..

Розенблюм. Слушай, Гольденфарб, а может бросим их здесь и вернемся домой, а?..

Хор. Вот тебе раз! Ряды ваши редуют.
Такое, впрочем, часто происходит,
когда меж замыслом и исполнением
проходит слишком много времени...

Гольденфарб (Хору). Постой. (Розенблюму) Как это - «бросим»?.. Я что-то не понял...

Хор. А что тут понимать?
Он просто струсил...

Гольденфарб (Хору, раздраженно махнув рукой) Да постой же!.. (Розенблюму) Так как это - «бросим»?

Розенблюм. И вовсе я не струсил... А, впрочем, понимайте как хотите!.. (отворачивается).

Гольденфарб. Ты не ответил на мой вопрос.

Розенблюм. На какой?

Гольденфарб. Как это - «бросим»?

Розенблюм. Да очень просто: купим завтра билеты и уедем...

Гольденфарб. Нет, ты что это, серьезно?..

Розенблюм. Ну а почему бы нет?.. Старик-то наверное уже умер... Он и так еле дышал, когда мы уезжали...

Гольденфарб. Ты что, с ума сошел?!.. Как ты можешь такое предлагать, как у тебя язык поворачивается говорить такое?! (Хору) Нет, ты послушай, что он говорит!

Хор. Я слышу, слышу.

Гольденфарб. Ну и как мне быть?

Хор. Стой на своем, аргументируй, требуй...

Гольденфарб. (Розенблюму) Ты знаешь, я не понимаю как ты можешь даже думать о таком! Во-первых мы получили за это деньги. И не маленькие! Во-вторых мы поклялись умирающему, что исполним его последнюю волю... Тебе этого мало?!.. (вскакивает и начинает ходить по комнате) «Бросить чемоданы»! Ничего себе! Чего захотел!..

Розенблюм. Чего ты раскричался?

Гольденфарб. А что об этом можно спокойно говорить?!

Розенблюм. Обо всем можно спокойно говорить!.. (вскакивает и тоже начинает ходить по комнате). Ну да, может быть я не рассчитал тогда своих сил, своих возможностей...

Гольденфарб (останавливаясь лицом к лицу) А бабки ты хорошо посчитал, когда получал?

Розенблюм. Прекрати орать на меня!

Гольденфарб. Это ты прекрати!

Розенблюм. А я и не ору!

Гольденфарб. И я не ору!

Розенблюм. Вот и не ори!

Гольденфарб. Вот и ты не ори!

Розенблюм. (толкая руками Гольденфарба). Отойди!

Гольденфарб. (толкая Розенблюма). Сам отойди!

(Они начинают молча толкать друг друга пока не падают каждый на свою кровать).

Гольденфарб. «Бросить чемоданы»! Ничего себе...

Розенблюм. Да хватит причитать уже...

Хор. Мне кажется, его берут сомненья.

Не отступай, и будь красноречив.

Гольденфарб. Послушай, дорогой, у нас тут четыре чемодана Палестины! Мы с тобой сделали нашу Палестину на четыре чемодана меньше! А ты хочешь их здесь бросить и уйти?!

Розенблюм. Мы и так их бросим...

Гольденфарб (размахивая указательным пальцем). Это другое! Это будет совершенно другое!.. Впрочем, чего я тебя уговариваю? Хочешь уходить - уходи! Иди! Давай! (вскакивает, идет к двери, распакивает ее) Упрашивать не буду!..

(Оставив открытой дверь, Гольденфарб возвращается к своей кровати и ложится на нее лицом к стене. Розенблюм продолжает некоторое время сидеть, потом встает, идет, закрывает дверь, возвращается и гасит лампу).

Розенблюм (после паузы, в темноте). Гольденфарб...

Гольденфарб. Чего тебе?

Розенблюм. Давай придумаем еще парочку снов... на всякий случай...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира доктора. Гостиная. Входит служанка с подносом на котором все для предстоящего чаепития, ставит поднос на стол и начинает выставлять посуду. Из своей комнаты выходит дочь доктора и идет к столу.

Дочь. Иди, иди, я сама все сделаю... (приседая и хлопая в ладоши)
Кыш!

(Служанка кивает и собирается уходить).

Дочь. Стой! А как тебе показался этот, которому папаша сейчас мозги вправляет... Розенблум?..

Служанка (приостанавливаясь). Приятный молодой человек...

Дочь. А что тебе в нем особенно показалось приятным?.. (машет рукой) Ладно, иди... (оставшись одна, расставляя посуду) Да уж, он приятный этот Розенблум, чертовски приятный, ничего не скажешь... Душка Розенблум... Я аж вся загорелась как только его увидела! Со мной первый раз такое! (быстро наклоняется и сильно бьет по чьей-то руке, схватившей ее из под стола за икру) Какой у него взгляд, какое лицо! Какие черные глаза!.. Переманить бы его у папочки, хоть на один сеансик... Так он же удавится - не даст... А как бы я с ним поработала... (молитвенно складывает руки и закатывает глаза) Розенблумчик, миленький, приди на сеансик, ну что тебе стоит... (поет на мотив «Любовь нечаянно нагрянет», а у нее за спиной в комнате появляется жена доктора).

О сколько комплексов и страхов
в моей душе живет и ждет
когда в наш милый старый Краков
ко мне моя любовь придет... уже идет...

Жена доктора. Сама сочинила?

Дочь. Ну а кто? Гейне?

Жена. А почему Краков? Мы, кажется, в Вене живем...

Дочь. А потому что в рифму. Ты что-то хотела?

Жена. Разве мы не чай собираемся пить?

Дочь. Чай-чай. Только учти, папа сейчас обсуждает с гостем инфантильную мастурбацию и вряд ли они за столом сменят тему...

Жена. Тьфу! Чтоб вы все провалились! (уходит)

(Дочь подбегает к двери кабинета доктора, стучит и выкрикивает «Чай!»; потом, танцуя, кружась, возвращается и садится за стол. Вытянув руки, помахивает ладонями на себя, как бы призывая появиться, и складывает, как школьница, руки на столе, как только дверь открывается. Появляются Розенблюм и за ним доктор).

Доктор. Давайте пока прервемся на чаек, а потом вернемся продолжим... С моей дочерью Бертой вы уже, кажется, знакомы?

Розенблюм. Да, имел удовольствие...

Доктор. Имели удовольствие... прекрасно... это главное... Вот, кстати, этот ваш сон с поездом, последний... Поезд в тоннель входил?

Розенблюм. Нет.

Доктор. Жаль... то есть странно. А в вагон кондуктор не входил?

Розенблюм. Нет...

Доктор. А вот эти ваши попутчики в купе, мужчина и женщина... Никто из них кольцо на палец не надевал?

Розенблюм. Не надевал.

Доктор. И перчаток не надевал?

Розенблюм. Нет...

Доктор. Может кто-то засовывал руку в карман?... вспомните...

Розенблюм. Нет, никто не засовывал...

Доктор. И ложкой в стакане чая не помешивал?..

(Розенблюм пожимает плечами и одновременно качает головой).

Доктор. А что они делали все это время?

Розенблюм. Кто?

Доктор. Ну, эти мужчина и женщина... Чем они занимались?

Розенблюм. Извините, но... они... это... (опускает от смущения голову).

Доктор. Ну, ну... Что - «это»?

Розенблюм. В общем, они обнимались...

Доктор. Лежа?

Розенблюм (тихо). Да.

Доктор. И на них ничего не было?

Розенблюм (еще тише). Да

Доктор (радостно хлопнув по столу). Ха!

Дочь. Папа, смотри, он покраснел! Наш розовый цветочек покраснел!

Доктор (отмахивая). погоди, не лезь! (Розенблюму) А их лица вам не показались знакомыми?

Розенблюм. Нет.

Доктор. Нет, вы не торопитесь с ответом, постарайтесь вспомнить... Что-то очень знакомое вам показалось в этих лицах, разве нет?.. очень-очень знакомое... правда?..

Розенблюм (испуганно). Нет, не помню...

Доктор. А вы вспомните... С одним из них вы даже встретились взглядом.. с кем?.. с мужчиной?.. с женщиной?.. а может быть с обоими?.. Такие близкие родные лица... роднее не бывает...

Дочь. Папа ему сейчас плохо станет! (Розенблюму) Да не пугайтесь вы так! Я его (указывая на доктора) знаете сколько раз видела во сне на разных бабах, в том числе на себе!

(В это время из прихожей доносятся какой-то шум и голоса, что-то падает. Из под стола с лаем выбегает человек-собака и бежит в прихожую; спустя секунду раздается визг, человек-собака прибегает обратно в гостиную и прячется под столом. Доктор встревожено оглядывается в сторону прихожей. Какой-то мужской голос кричит: «А я сказал, прочь! Всё! Пусти, я сказал! Шлюха!»; голос служанки: «Мне не велено! Мне надо доложить!» Снова шум, стук).

Доктор. Господи, это опять он! Всё, меня нет! Я уехал в Лондон!

(Доктор вскакивает и убегает в свой кабинет. Как только дверь кабинета захлопывается, в комнату вбегает растрепанная служанка).

Служанка. Херр фон Захер-Мазох!

(Вслед за служанкой, оттолкнув ее, в гостиную влетает и сам Захер-Мазох - высокий, крупный господин в роскошной шубе, с тростью. За ним входит хор).

Эдип. Идем, идем, посмотрим, может этот
ему покажет где зимуют раки...

ЗМ. Где эта тварь?

Дочь. Вы имеете в виду папу?

ЗМ. Да, я имею в виду папу! Где он?

Дочь. Папа только что, минуту назад уехал в Лондон.

Хор. Врет!

ЗМ. Конечно, врет.

(ЗМ бросается к двери кабинета и начинает колотить по ней тростью).

ЗМ. Открывай, скотина! Я знаю, ты здесь! Открывай сейчас же или я буду ломать дверь!

Голос доктора. Мужик! Варвар!.. Берта, прикажи Вильгельмине вызвать полицию!

ЗМ. Ах, тебе еще полицию, поганец! Я и есть твоя полиция! Я тебе сейчас, сукин ты сын, череп размозжу! Я тебя предупреждал, что не позволю, чтобы ты полоскал мое имя в своих психоаналитических помоях? Предупреждал - нет?! Открой дверь, извращенец!

Голос доктора. Сам извращенец! Животное! Гау - чужой! Гау - фас! Возьми его! Чужой!

(Из под стола раздается рычание и отрывистое неуверенное тьявканье).

Хор. Что медлишь? Не бросай угроз на ветер,
а просто разнеси преграду в щепки!

(ЗМ разбегается и плечом бьется в дверь; отбегает назад и бьется еще раз. Хор сопровождает это возгласами: «И-ии раз!.. И-ии раз!..») Во время всех этих перипетий из своей комнаты выходит жена доктора; она подходит к столу, наливает чай, берет чашку с блюдцем и идет обратно к себе в комнату, по дороге глядя на происходящее и сокрушенно качая головой. ЗМ останавливается отдышаться; вытирает платком лицо. К нему подходит дочь доктора; левую ладонь она спрятала под мышку, а правой жестикулирует).

Дочь. Что вы хотите от папы? Вы мешаете ему работать...

ЗМ. Твой папа уже поработал, и кое что уже заработал от меня!.. Пошла вон, пока тоже не заработала!..

Розенблюм. Милостивый государь, как вы смеете так разговаривать с барышней!..

(ЗМ опять разбегается и с криканьем бьется плечом в дверь).

Дочь. Вы слишком привередливы. Папа ввел термин «захеризм», вам он не понравился. Хорошо. Он поменял на «мазохизм». Что вы еще от него хотите?

ЗМ. Я хочу, чтобы он оставил мое имя в покое. Я ему разрешения не давал! Потому что все к чему прикасается твой папочка превращается в мерзость и дерьмо, а я не хочу, чтобы мое имя превращали в дерьмо, ясно?!

Голос доктора. Берта, объясни этому хаму хотя бы элементарное тождество дерьмо - золото.

Дочь. Во-первых... Послушайте меня... во-первых... вы меня слушаете? Эй! (поводит ладонью перед лицом ЗМ) Так вот. Во-первых, маркиз де Сад тоже никому разрешения не давал.

ЗМ. Мне на твоего Сада начхать!

Голос доктора. Берта, не смей оправдываться перед этим подонком! Ты вызвала полицию?..

Дочь. Помолчи, папа! (ЗМ) Во-вторых, вы даже не слыхали об элементарном тождестве дерьмо - золото, которое открыл папа. Он ваше имя превратил как раз в золото. Из дерьма. Вы просто перепутали, что и немудрено при вашей ограниченности.

ЗМ. Что-о?!

Голос доктора. Bravo, Берта! Молодец!

Дочь. И в третьих. Папа взял не вашу фамилию, а фамилию вашей жены.

ЗМ. Ты, шмакодявка, ты мне голову не морочь! Фамилию жены они взяли! А чья у нее фамилия?

Дочь. Этого мы знать не обязаны. Папа попросил у нее разрешения использовать ее фамилию и она уступила.

ЗМ. Уступила?!

Дочь. Да. Уступила. За папин автограф. Она просто помешалась на желании, получить от папы автограф. Ну а что такое автограф, когда мужчина чернилами из своей авторучки выполняет просьбу женщины, вам, наверное, объяснять не надо?

ЗМ. Чего?! Ты что такое несешь?!..

(Из прихожей появляется Хром).

Хром. Что здесь происходит?

ЗМ. А! Вот и хромой бес явился! Любимый ученик! Давай, иди сюда, тебе тоже кое что причитается!

Дочь. Он опять ворвался сюда и хочет побить папу.

ЗМ. Нет, милочка моя, ошибаешься! На этот раз я хочу убить папу!

Хром. Я попросил бы вас немедленно покинуть этот дом!

ЗМ. А вот тебе!

(ЗМ бьет набалдашником трости Хрома по голове и тот падает).

ЗМ. И учтите, это было мое последнее предупреждение! В следующий раз разнесу ваш гадюшник к чертовой матери!

(ЗМ уходит. Берта и Розенблюм приседают над Хромом).

Хор. Нет, от таких, что вспыхивают быстро
и также быстро гаснут, толку мало.
Хоть прихвостня огрел - на том спасибо...

Дочь. Папа, выходи, он ушел (кричит) Вильгельмина, воды!

(Дверь кабинета открывается сначала осторожно, потом распахивается и доктор бросается к Хрому, приподнимает ему голову. Подходит служанка, подает доктору стакан с водой. Хром делает глоток).

Доктор. Когда-нибудь он мне за все ответит, этот Захер...

Хром. Где я?

Доктор. Все хорошо, вы у друзей... Вы нас узнаете? Это я, доктор, это - Берточка, это - Розенблюм...

Хром. А что случилось?

Доктор. Негодяй Захер-Мазох ударил вас тростью по голове.

Хром. Опять?

Доктор. Да, дорогой друг, опять. И вы, как всегда, держались молодцом... Мне очень жаль, и это уже перешло все границы, но, однако, знаете, что-то с этой тростью все таки не то... Это явно какая-то фаллическая агрессия... демонстрация перед вами своей мужской силы... Жест скорее символический...

Хром. Ничего себе, символический - до сих пор в глазах темно...

Доктор. Да-да, дорогой Хром... Он хоть и аристократ, а все таки мужик и хам... а вы ученый, мыслитель... и вот он бьет своим самым сильным местом по вашему самому сильному... Возможно даже, что это у него навязчивая идея, может быть он эту же сцену с вами часто воспроизводит в своих сновидениях, разбивает вам вдребезги вашу светлую голову... только не тростью разумеется... а может быть и мою... Хотя, возможно, вас - может быть по причине вашей молодости - он, как соперника, оценивает даже выше чем меня... Вы заметили - уже который раз, как только вы появляетесь, он тут же про меня забывает... Больно было, голубчик?..

Хром. Очень. Но я больше беспокоюсь за свою память... С каждым его приходом она становится все слабее. Я и так уже многого не помню... Сегодня полдня искал дорогу к вам, поэтому так поздно пришел... И надо же, опять нарвался на него... А я долго лежал без сознания?..

Доктор. Не больше минуты...

Хром. Странно... А мне показалось, что очень долго... Мне даже сон какой-то приснился...

Доктор. А вот вы сейчас мне его и расскажете... (дочери и Розенблюму) Давайте занесем его в кабинет...

Хром (указывая пальцем на Розенблюма, испуганно). Кто это?

Доктор. Это Розенблюм, наш новый пациент... Давайте, взяли...

(Хрома уносят в кабинет).

Голос доктора. Вот так. Все. Спасибо. Можете идти. Ты, Берта была сегодня на высоте...

Голос Берты. А ты, папа, когда-нибудь крепко погоришь на своей неразборчивости в выборе терминов...

Голос доктора. Иди-иди. Стоит тебя похвалить, как ты тут же начинаешь дерзить... И Гау сегодня не кормить! На фиг мне такой пес, который не может защитить хозяина!..

(Берта и Розенблюм выходят из кабинета).

Дочь. А вы даже вступились за меня... Молодец.

(Розенблюм неуверенно пожимает плечами).

Дочь. А вы что, действительно ни разу не видели своих родителей в постели?..

Розенблюм. Нет, конечно.

Дочь. И вам никогда не хотелось подсмотреть?

Розенблюм. Нет, конечно.

Дочь. И даже не пытались себе представить?

Розенблюм. Нет.

Дочь. И вы никогда даже не думали об этом?

Розенблюм. Никогда.

Дочь. Ни разу-ни разу?

Розенблюм. Ни разу.

Дочь. Значит сейчас вы в первый раз об этом думаете?

Розенблюм. Ничего я не думаю и не собираюсь думать...

Дочь. А почему?

Розенблюм. Потому что это гнусно.

Дочь. Кто вам сказал?

Розенблюм. Никто. Я так чувствую.

Дочь. А откуда вы знаете что вы на самом деле чувствуете? Папа, между прочим, уже давным-давно разъяснил, что самым лучшим подтверждением служит отрицание. Вы просто боитесь признаться, вот и все. Ну хорошо. А кого-нибудь другого видели?

(Розенблюм отрицательно качает головой).

Дочь. Никого-никого?.. И тоже никогда не хотели?.. Так я вам и поверила... Ладно, допустим. А вот скажите, если вы уж такой весь из себя чувствующий, что вы почувствовали, когда узнали, что девочки отличаются от мальчиков, что у них кое-чего не хватает? А?

Розенблюм. (опять пожимая плечами) Ничего не почувствовал... Я же всегда это знал...

Дочь. Интересно. А откуда вы могли это знать?

Розенблюм. Ну... а зачем вам?

Дочь. Надо. Говорите-говорите, мне это интересно. Откуда вы знали?

Розенблюм. Ну как... я же видел младенцев... мама пеленала сестру... и вообще... да в Торе же сказано: Господь создал мужчину и женщину... любой ребенок это знает...

Дочь. Ха! Интересный вы тип, Розенблюм. С вами, я вижу, надо работать и работать... А хотите пойдём в зверинец?

Розенблюм. Куда, простите?..

Дочь. В зверинец.

Розенблюм. Прямо сейчас?

Хор. Будь осторожен, Розенблюм!..

Дочь. Конечно! (берет Розенблюма за руку) Идемте... (подводит его к столу и приподнимает скатерть) Вот, смотрите, это наш зверинец. Идемте к ним...

Розенблюм. Какой неприятный запах...

Дочь. Так это же звери. Идемте...

Хор. Не думай даже, Розенблюм! Погибнешь!!!

(Руки из под стола начинают затягивать дочь к себе, под стол; дочь тянет за собой Розенблюма).

Дочь. Идемте же, идем, тут так весело!..

(Розенблум невольно поддается затягивающему его движению и уже почти влезает под стол - Хор кричит: «Берегись! Не надо!» - но в последнюю секунду высвобождает руку и выпрямляется. Скатерть перед ним тут же опускается, из под стола раздаются визг, вскрики, шипение и стол под этот аккомпанемент вдруг начинает хаотически ездить по гостиной. Розенблум в ужасе наблюдает за этой картиной. Из под стола доносится голос дочери: «Розенблум, Розенблумчик, где вы? Идите же сюда!.. Ай, больно!..»). В гостиную нерешительно входит служанка, подходит со спины к Розенблumu).

Служанка. Господин Розенблум...

(Розенблум испуганно вздрагивает и оборачивается).

Служанка. Извините, если помешала, господин Розенблум, но просто... не было подходящего случая... а сейчас я нечаянно услышала ваш разговор с фрау Бертой... вы такой приятный, открытый молодой человек... будет ужасно, если вас постигнет такая же участь... я просто хотела вам сказать, что это очень нехороший дом и я бы вам от всего сердца посоветовала никогда больше сюда не приходить, забыть сюда даже дорогу... это ужасное место, поверьте мне...

Розенблум. Чем же оно ужасно? Ведь это клиника?.. Лечебное заведение...

Служанка. Лечебное для непосвященных, как вы. А я здесь работаю уже не первый месяц. Здесь калечат людей... разве вы не видите? Их делают больными, сумасшедшими... из них делают животных...

Розенблум. Кто же этим занимается. Кто их калечит?

Служанка. Доктор. Наш херр доктор. И херр Хром. И фрау Берта... Это страшные люди... И как их только земля носит!..

Хор. Вот она правда,
правда без прикрас!

Служанка. Лишь часть ее. Тут по ночам такое происходит...
Лучше уходите!..

Розенблум. Почему же вы сами не уйдете из этого дома?

Служанка. Не могу, господин Розенблум. И рада бы, но не могу, не имею права. Здесь мой брат.

Розенблум. Ваш брат?

Служанка. Да, родной брат, господин Розенблюм. Только умоляю вас, никому не говорите, никто не должен этого знать. Он там, под столом. Человек-черепаха. Не видели?

(Розенблюм отрицательно качает головой).

Хор. Несчастливая!

Служанка. Он редко выползает... (плачет)

Хор. Хотел бы я узнать,
давал ли клятву Гиппократу этот доктор...

Служанка. Когда-то он тоже пришел лечиться, и вот что с ним сделали... Теперь он живет там, под столом... Я никак не могу его здесь бросить, я хочу вытащить его отсюда, бежать с ним, но он так медленно ходит... мы за ночь не успеваем добраться до дверей... (плач переходит в рыдание).

Розенблюм. (показывая на проезжающий мимо них стол) Но сейчас он довольно быстро передвигается...

Служанка. Они его толкают собой... их там много... а я одна... Осторожно! (они сторонятся и пропускают стол).

Розенблюм. Я могу вам чем-нибудь помочь?

(Служанка сморкается в платок).

Служанка. Чем вы мне можете помочь? Вам самим нужна помощь.

Розенблюм. А вы мне?

Служанка. С радостью. Скажите в чем. Но я бы вам все таки настоятельно советовала покинуть это заведение и не появляться здесь больше никогда...

Розенблюм. Не сейчас, не сразу... Мне все же хотелось бы здесь немного осмотреться...

Служанка. Ах, господин Розенблюм вы просто не представляете с чем вы столкнулись... вы не знаете сколько таких, как вы, наивных любопытных становились в конце концов пациентами доктора и заканчивали свою жизнь здесь, под этим проклятым столом...

Розенблюм. Не беспокойтесь, я не из таких... и любопытство мое не из праздных, уверяю вас...

(В этот момент стол останавливается).

Служанка. Извините, мне пора уходить...

Розенблюм. Мы еще поговорим...

(Служанка убегает. Из под стола вылезает Берта; она вытирает рот, сплевывает, поправляет платье, которое на ней надето задом наперед и идет к Розенблюму).

Берта. Ну что же вы!.. Такую экскурсию пропустили...
(потягивается и хватает Розенблюма за руку) Идемте ко мне, я вам кое-что покажу...

(Открывается дверь кабинета, на пороге стоит доктор).

Доктор. Молодой человек, прошу вас. Продолжим.

Берта. Ну ладно, потом. Идите.

(Розенблюм уходит в кабинет, а Берта, послав ему вслед воздушный поцелуй, убегает в свою комнату).

КАРТИНА ВТОРАЯ

Гостиная в квартире доктора. Хром с перевязанной головой сидит за счетами, щелкает костяшками и что-то записывает в хозяйственную книгу. Напротив него, спиной к передней сидит доктор и читает; отложив книгу, он достает из кармана табакерку, трубочку и тянет через нее из табакерки одной ноздрей, потом другой. Захлопнув табакерку, зажимает пальцами нос и со звуком «Бррр...» трясет головой.

Доктор. Не желаете?

Хром. Позже.

(Доктор прячет табакерку и трубочку в карман, снова берется за книгу. Из передней бесшумно появляется женщина - Берта У.. Она становится за спиной у доктора и закрывает ладонями ему глаза. Хром смотрит на нее с улыбкой. Из передней появляется призрак отца доктора и становится возле печки).

Доктор. Берта, ты?

Берта У. Бер-та, да не та...

(Берта У. отнимает ладони и становится перед доктором).

Доктор. Берта У.!!!

(Тут же открывается дверь комнаты дочери, на пороге стоит дочь Берта).

Берта-дочь. Что, папа? (увидев Берту У.) А, У...

Доктор. Закрой дверь.

(Берта-дочь что есть силы хлопает дверью и в ту же секунду открывается дверь комнаты жены доктора).

Жена доктора. Что случилось? (увидев Берту У.) А, У...

Доктор. Закрой дверь.

(Жена доктора громко захлопывает дверь).

Доктор. Где же это вы, радость наша, так долго пропадали? Мы тут извелись все... Присаживайтесь...

(Берта У. садится ему на колени, треплет его за бороду, несколько раз чмокает в лоб; потом вскакивает и выдвигает стул).

Берта У. Да уж пропадала... времени даром не теряла... (она ставит на стул ногу и, высоко подобрав юбки, подтягивает чулок, потом то же проделывает с другой ногой).

Доктор. Садитесь, рассказывайте...

Берта У. (усаживаясь) Ну, здравствуйте, шалунишки! (Хрому, показывая на его повязку) Захер-Мазох? (Хром кивает; кивает и Берта У.) Значит, у вас все по-старому?.. (оглядывает комнату).

Доктор. Ну, почему же...

Берта У. (оглядываясь в сторону печи). А что это за старикашка?..

Доктор (оглядываясь в ту же сторону). Как?! Вы тоже его видите?!

Берта У. Ну, конечно, вижу. Кто это?

Доктор. Хром, а вы видите его?

Хром. Кого?

Доктор. Старика возле печи.

Хром. Какого старика?

Доктор. Да вот же, стоит возле печи, не видите? (Доктор вскакивает и делает несколько шагов к печи). Ну вот же!.. Нет, всё, пропал!.. (возвращается).

Берта У. Как же пропал, когда он стоит?

Доктор. Я никого не вижу...

Берта У. А, да, пропал...

Доктор. А, вот, стоит, стоит!..

Берта У. Где же стоит, когда... А, да, стоит!

Доктор. Да нет! Вот как раз сейчас он исчез!

Хром. О ком вы говорите? Я никого не вижу...

Берта У. Нет, появился!

Доктор. Нет, исчез. Хотя, да, появился.

Берта У. Исчез.

Доктор. У меня стоит. А вот сейчас исчез.

Берта. У вас исчез, а у меня появился.

Доктор. И у меня появился!

(Призрак отца, погрозив пальцем, поворачивается спиной).

Берта У. Опа, исчез! А у вас?

Доктор. Да, тоже исчез. Ну ладно, черт с ним...

Хром (выкинув руку с указательным пальцем). Вижу, вижу! Как будто кто-то стоит к нам спиной!.. Но очень неясно, как будто в тумане!.. (Берте У.) видите?

Берта У. Нет.

Доктор. А я вижу. И довольно четко.

Хром. Исчез...

Берта У. Стоит. (вопросительно смотрит на доктора)

Доктор. (качая головой) Пас...

Хром. Тоже.

Берта У. И у меня пропал...

(Призрак отца бесшумно удаляется в переднюю).

Доктор. Ну, пропал и пропал... Чтоб он вообще пропал. О чем мы говорили? Хром, о чем мы говорили?

Хром. (прикладывая ладонь ко лбу). Я не помню...

(Берта У. в это время приподнимает скатерть и заглядывает под стол).

Берта У. О, я смотрю у вас тут пополнение... А это что за симпатия такой?.. А ну, иди сюда... иди, иди... не бойся...

(Берта У. вытягивает из под стола за шиворот Розенблюма. Чья то рука, уцепившаяся за пиджак Розенблюма, тянется за ним из под стола; Берта У. сильно бьет по этой руке и рука исчезает. Розенблюм становится рядом с Бертой У., опустив голову, и перебирает пальцами, словно что-то плетет. Берта У. поглаживает его по спине).

Берта У. Какой красавчик! Где вы берете такие экземпляры?

Доктор. Это новенький. Племянник моей пациентки. Мы перевели его вчера на стационарное лечение.

Берта У. Что-нибудь интересное?

Доктор. Да так... всего понемножку... Арахнофобия, комплекс кастрации плюс инфантильная психотравма - нечаянно застукал родителей за этим делом. Вы лучше рассказывайте где пропадали все это время?

Берта У. Ах, да! А ты, паучок, постой пока здесь... (она похлопывает Розенблюма по заду и поворачивается к доктору и Хрому; Розенблюм продолжает стоять опустив голову и перебирая пальцами) Ну, во-первых, я же сейчас занимаюсь детьми... беспризорниками...

Доктор. (складывая на груди руки) Вот оно что? Похвально. Ну и как?

Берта У. Очень увлекательно. Такой - от горшка два вершка, а уже бежит, ручонки тянет, «Тетя Бетя, я хочу, чтобы у нас с вами родился ребеночек!..»

Доктор. Шарман!.. То есть, они вас уже принимают за мать...

Берта У. Да, представьте себе... за родную мать...

Доктор. Очень мило...

Берта У. Кроме того, я вела обширную исследовательскую работу.

Доктор. На какую тему?

Берта У. В последнее время я очень много размышляла над вашими тождествами кал - ребенок и кал - пенис...

Доктор. Что ж тут размышлять? Все это уже давно мной доказано, как дважды два - четыре...

Берта У. Погодите...

Доктор. Ну-ну...

Берта У. Никто с этим и не спорит. Но вы совсем упустили из виду струйку.

Доктор. Струйку?

Берта У. Да, струйку. Или, если угодно, струю.

Доктор. Позвольте, какую струю? Что вы имеете в виду?

Берта У. Я имею в виду малую нужду. Меня вдруг это заинтересовало. Я задалась вопросом: что бы это значило? Я

переделалась в мужчину и больше месяца ходила по мужским кабинетам. И что же оказалось. Лишь какой-то незначительный процент, какая-нибудь одна десятая процента (у меня все это записано) не глядят на свою струйку во время отправления - тут, возможно, какая-то патология или комплекс, и это предстоит еще выяснить... Все же остальные смотрят, и довольно внимательно. Я пришла к выводу, что во время отправления этой надобности мужчина как бы реализует свое подсознательное желание иметь инструмент подлиннее - отсюда же, кстати, это выражение блаженства на лицах. Это еще заметней, когда обстоятельства вынуждают мужчин заниматься этим на улице - они как бы ощупывают деревья, заборы или стены домов, в общем, все что попадется, и как бы лишний раз удостоверятся в этой удлинненности... вспомните также как писают мальчишки, да и многие простолюдины, как они бравируют дальностью... И наконец: если кал это ребенок, то моча это семя. Впрочем, это вполне согласуется с вашей уретральной поллюцией...

Хром. А как же женщины?

Берта У. Хороший вопрос. А вот для женщин та же струйка - заменитель того, о чем они мечтали все детство, пенисэрзац. И, в отличии от мужчин, они чаще всего не смотрят на нее, чтобы хоть это непродолжительное время сохранять иллюзию обладания. Вот так. Таким образом, возвращаясь к вашим тождествам: если кал это ребенок, а ребенок это кал, то выходит, что большая нужда это роды, а малая это зачатие. Вы согласны?

Доктор. Ну... над этим надо еще подумать...

Берта У. Нет, вы скажите, вы согласны?

Доктор. Я же говорю: над этим еще надо...

Берта У. Нет, вы не увиливаете, вы отвечайте - согласны вы или нет?

Доктор. Как же... я же не могу вот так сразу...

Берта У. Нет! Через «не могу»! Большая нужда - роды, малая - зачатие! Согласны?!

Доктор. Давайте не будем торопиться...

Берта У. Нет будем. Большая нужда - роды, малая - зачатие! Повторяйте за мной! (начинает в такт скандированию все сильнее и сильнее стучать кулаками по столу) Большая - роды, малая - зачатие! Большая - роды, малая - зачатие! Не слышу! Большая - роды, малая - зачатие! Большая - роды, малая - зачатие! Я кому сказала - повторять за мной! Большая - роды, малая - зачатие!

Доктор. Большая... роды...

Берта У. Хром!!! Большая - роды, малая - зачатые!!! Все дружно повторяют за мной! (сильно толкает локтем Розенблюма и тот, закрыв глаза начинает шевелить губами) Большая - роды, малая - зачатые!..

Доктор. Малая зачатые... Хром, сделайте же чтонибудь... успокойте ее как то...

Хром. Большая роды... (доктору) Как?..

Берта У. Я сказала, не отвлекаться! Большая - роды, малая - зачатые!..

Доктор. Большая роды... (Хрому) Ну, я не знаю... Гипнозом попробуйте...

Хром. Малая зачатые... (ставит перед лицом Берты У. свою ладонь) Берта У., смотрите внимательно на мою ладонь. На счет три... (Берта У. впивается зубами в ладонь Хрома) Ай!..

(Берта У. продолжает кричать и колотить кулаками. Из своей комнаты выскакивает Берта-дочь).

Доктор. (дочери) Берта, сделай что-нибудь...

Берта-дочь. Да что тут делать! На кислород ее и все!

Доктор. Да... пожалуй, ей надо на свежий воздух, немного остыть...

(Берта-дочь хватается Берту У. за шиворот, поднимает и заламывает ей за спину руку. Берта У., продолжая заклинания, пытается вырваться).

Берта-дочь. Розенблюм, помоги!

(Розенблюм, очнувшись, хватается Берту У. за другую руку и они с Бертой-дочерью ведут ее в переднюю)

Берта У. Большая - роды, малая - зачатые!

Берта-дочь. Давай-давай, на улице кому-нибудь расскажешь!..

(Доктор и Хром остаются одни. Доктор опять складывает на груди руки).

Доктор. Ну? Что скажете, Хром?

Хром. Потрясающе, доктор! Просто нет слов!.. Прогресс удивительный! Не поверил, если бы сам не видел...

Доктор. Вы же помните какой она была... Почти безнадежная... Какие-то бесконечные разговоры о Боге, о покаянии каком-то... в монастырь чуть ли не собиралась... помните?..

Хром. Да, конечно!..

Доктор. А теперь?.. разумные речи разумного человека... Я, честно говоря и не надеялся на такой успех...

(Из передней доносится крик Берты-дочери: «Розенблюм, стой! Назад, я сказала!»)

Хром. Только вот эта ее некоторая неуравновешенность...

Доктор. Ну, такие перемены легко не даются... но это же чепуха по сравнению с тем что было... Приходится выбирать - или неуравновешенность при ясном рассудке, или уравновешенность в полном безумии... Единственное что меня беспокоило это ее переодевания и хождения по мужским кабинетам. Мне кажется, все эти струйки это только предлог. Дело в том, что она росла без матери, с отцом. И мне так представляется, что отец ее был склонен к гомосексуальным контактам, но пытался их в себе подавить. Вот, кстати, можете убедиться как эти подавления потом пагубно сказываются на детях. Лучше бы они их уже не давили. Возможно, в общении с окружающими и с дочерью эти его фантазии как то проскальзывали, и вот теперь она решила реализовать фантазии родителя, переделась в мужское платье и пошла шататься по мужским кабинетам. Все таки самое лучшее, если она будет продолжать заниматься этими детьми, кажется у нее это получается...

(Входит Берта, тащит за собой Розенблюма. Подведя к столу, указывает ему под стол).

Берта. Давай, вперед...

(Розенблюм послушно заползает под стол).

Берта (отряхивая одну о другую ладонь). Между прочим, чуть не убежал... А вот эту тварюку чтобы я больше здесь не видела. Если ты считаешь, что она выздоровела, то и делать ей здесь больше нечего.

(Берта уходит к себе в комнату и хлопает дверью).

Хром (подмигивая). Ревнует...

Доктор. А вот эти ее видения... Что вы о них думаете?

Хром. Видения?

Доктор. Да.

Хром. У кого видения?

Доктор. У Берты.

Хром (оглядываясь на комнату Берты). И давно они у нее?

Доктор. Да не у нее, у У.

Хром. А-а, у У.?

Доктор. У У., у У...

Хром. А-а. Я уже и забыл... (пожимает плечами) Ну так, они же у нее всегда были. По-видимому, это неизлечимо... Но как тонко вы ей подыграли! Я, признаться, и не сразу сообразил... Надо обязательно, не забыть, записать...

Доктор. Гм... Ну а как вы думаете... эти видения...какова их природа?..

Хром. Мне кажется это удел людей ограниченных, с грубой психической организацией... Своего рода компенсация за недостаток воображения...

Доктор. Это у кого недостаток воображения?

Хром. Ну, как у кого? У У. . Она, конечно, девица роскошная, но, ведь, согласитесь - дура дурой... Разумней она, конечно стала, но вот умнее - вряд ли...

Доктор. Спасибо... Я подумаю над этим...

(Доктор углубляется в свою книгу; Хром продолжает стучать костяшками и записывать).

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Гостиная в квартире доктора. Ночь. Из своего кабинета выходит в халате доктор с зажженной свечой, за ним выходит призрак его отца. У печи сидит Хор.

Доктор (позевывая, негромко).

...И кошка в валенке, и курица в сарае...

И даже неодушевленные предметы...
и чёрти-только-что там не бывало...

(Доктор зевает, ставит свечу на стол, трет ладонями лицо. Потом достает табакерку и трубочку, тянет из нее то одной ноздрей, то другой. Спрятав табакерку с трубочкой в карман халата, становится опершись ладонями на стол).

Вот проклятье, опять не могу заснуть, уже которую ночь... Чертов старик меня в конце концов доконает... И кто он такой, главное? Может быть, отец какой-нибудь из давнишних моих пассий? Да разве их всех упомнишь?.. Нет, надо завязывать с этим порошком пока не поздно... И, должно быть, я все-таки переутомился... Вот так проснешься среди ночи и до самого утра ворочаешься, не можешь заснуть... Лежишь и перебираешь от нечего делать свою жизнь... Может быть, пришло время садиться за автобиографию? А ведь интереснейшие, между прочим, могли бы получиться мемуары... По сравнению с ними все эти писульки Казановы - просто детский лепет... А какое могло бы быть у этой книги название?.. Ну, например: «Я и оно». В смысле все остальное... общество, там... или вообще бытие... А что? Неплохо... надо подумать... Нда-а... жизнь... жизнь, жизнь, жизнь...

(Стоит некоторое время без движения, опустив голову. По мере чтения следующего монолога доктор воодушевляется все больше и больше, так что к концу его встает, жестикулирует, и в самом конце застывает в эффектной позе вплоть до появления дочери и Хрома).

Я никогда не мог насытиться. Никак.
Я никогда не мог найти удовлетворенья,
хотя в неутомимых поисках его
я заходил так далеко, в такие дебри,
что самому себе порой не верил
и только память уверяла: было, было...
Да, было все... был вхож во все... но все же
меня все время мучили вопросы:
что кроется за этим постоянным,
неутолимим голодом? Какую
преследую я цель? Чего ищу я?
За чем гоняюсь? Отзовись, фантом!
Так долго мучил я себя, и вот однажды
меня вдруг осенило, и ответы,

- простые, грубые, как случка у свиней -
 вдруг встали предо мной во всем сиянье,
 во всей своей слепящей наготе.
 За чем гоняюсь я? - За всеми.
 Кого хочу я? - Всех, всех, всех.
 Когда хочу? - Всегда, всегда, всегда.
 И: где хочу? - Везде, везде, везде.
 Но вместе с тем, почти одновременно,
 я стал осознавать, что плоть моя
 (пусть это и звучит как парадокс
 и трудновато для уразуменья)
 мечтает о сверхчувственном соитье,
 где плотское в неплотское войдет,
 войдет и выйdet, выйdet и войдет...
 такое вот себе совокупленье...
 Вот так на перекрестке двух прозрений
 учение мое возникло... И теперь...
 теперь-теперь... (задумывается) да... и теперь...
 Короче говоря, теперь я всюду!
 Я - в каждом жесте, в каждом помышленьи,
 в любом желаньи, страхе - я во всем!
 Мать гладит сына? Тут же рядом я.
 Друг обнимает друга? Я меж ними.
 Отец сажает дочку на колени?
 И тут я сам-третей. И даже
 в местах уединенных отправления
 со мною встреч теперь не избежать.
 Да! Я везде! Отныне и навеки!
 Как воздух я - попробуй не дышать!

(Начинает звучать музыка из оперетты «Сильва» («Частичка черта
 в нас заключена подчас...»)) и одновременно с ней из своей комнаты
 появляется, гримасничая, поющая Берта; следом за ней выходит из
 кабинета Хром. Они подходят к доктору, все трое берутся под руки
 так, что посредине оказывается Берта и поют, раскачиваясь в такт
 мелодии).

Пси-хо-а-нализ нас
 от скуки смертной спас!
 Его волшебных чар
 никто не избежал!
 Его волшебных пут

уже не разорвут
те, кто сюда попал!
Психоанализ нас
до глубины потряс!
И от волшебных чар
бушует в нас пожар!
Его волшебных пут
уже не разорвут
те, кто сюда попал!

(Прекратив петь, все трое с гиканьем начинают отплясывать канкан под продолжающую звучать музыку; стол быстро ездит по кругу вокруг них. С последней нотой стол резко останавливается на прежнем месте, Берта и Хром молча разбегаются по своим комнатам и захлопывают за собой двери, а доктор опять встает, как и стоял, опершись ладонями на стол).

Доктор (помотав головой). Всё. Спать! (уходит).

(Призрак отца, все это время укоризненно наблюдавший за происходящим из угла, принимается расхаживать по комнате).

Призрак (негромко). Ах ты ж, мерзавец! Ах, мерзавец! Чтоб тебя земля выкинула! Чтоб она тебя вообще никогда не приняла!..

Хор. Послушай, призрак, как тебя понять?

Вместо того, чтоб насылать проклятья
на голову того, кто даже и не верит
в твое существованье, не пора ли
вмешаться в ход событий самому?
Те, на кого ты возлагал надежды,
забыли, кажется, о данной тебе клятве -
один, хотя и не по своей вине,
теперь тут в заточенье, под столом,
другой по опереттам ходит, в ус не дует,
и план твой рассыпается...

Призрак. И что?

Хор. Как это - «что»? Ты шутишь?

Бери инициативу в свои руки,
попробуй их растормошить, пусть вспомнят
с какою целью прибыли сюда...
Их пожалей - на них ведь грузом ляжет
позор невыполненного обещанья...

Призрак. Сам знаю, без тебя... Вот горе... вот же несчастье на мою голову!.. смотри, до чего дело уже дошло - какие-то греки, какие-то грязные язычники берутся меня поучать! Можно это выдержать?!..

Хор. Эй, призрак! Будь поаккуратней
на поворотах... Будучи отцом
такого сына, я б поостерегся...

Призрак. Ладно-ладно, хватит!.. «Будучи отцом»... Содом с Гоморрой его родители!..

Хор. Так, стало быть, тебя зовут Содом?

Призрак. Тьфу, на тебя! Нашелся мне учитель...

Хор. Мне просто не понятна твоя роль...
С какой целью ты здесь ходишь-бродишь?
Зачем ты здесь? Чтоб доктора пугать?
Ему не страшен ты, скорей докучлив...
Но даже если б испугал, так что?
Что проку в том?

Призрак. Твое какое дело?!
Оставь свои советы при себе!
Вот прицепился! Надо же!.. Советчик...

(Призрак некоторое время продолжает в раздумье, качая головой, ходить по комнате. Потом подходит к столу, присаживается на корточки и поднимает скатерть; морщится и машет перед носом ладонью).

Призрак. Мальчик мой... ты слышишь меня?.. иди сюда, выходи... тебе надо бежать отсюда, срочно... ну?.. это же я... ты узнаешь меня?.. (задергивает скатерть и встает) Нет, ничего не слышит и не понимает, только смотрит пустыми глазами... Должно быть, эти мерзавцы или загипнотизировали его, или же накачали какими-то таблетками...

Хор. Пока он здесь, он как бы не в себе.
Его бы надо вывести отсюда...

Призрак. Как я его выведу, если я бесплотный?! «Вывести отсюда»!.. Я себе не могу даже глаз почесать, если он зачешется!.. «Вывести»... умник... Что же мне делать, а? Как быть?.. Что бы такое придумать... А я вот что сделаю: пойду и попробую явиться этой... как же ее?.. (щелкает пальцами) служанка, ну...

Хор. Вильгельмина.

Призрак. Да, Вильгельмина... Пойду, попробую подействовать через нее... (уходит в переднюю).

Хор. Что ж, придумано недурно.

(Некоторое время в квартире стоит полная тишина. Часы бьют три раза. Вдруг со стороны передней раздается испуганный женский визг).

Хор. Кажется, получилось!..

(Еще через некоторое время в гостиную из передней вбегает в ночной рубашке Вильгельмина, за ней входит призрак. Вильгельмина присаживается на корточки у стола, приподнимает скатерть, тянет под стол руку).

Вильгельмина. Господин Розенблюм, господин Розенблюм, идите сюда, идите, пожалуйста... нет, не ты!.. Гау, фу, нельзя!.. Господин Розенблюм, дорогой мой... ну, пожалуйста... дайте руку...

(Она вытягивает за руку Розенблюма из под стола, поднимает его и становится к нему лицом к лицу).

Вильгельмина. Вам надо срочно уходить!.. Ко мне только что... Вы меня слышите?.. Ко мне только что являлся ваш приемный отец, его тень, привидение, он, то есть, она, в общем, оно попросило меня вывести вас отсюда. Идемте... быстрее!..

Розенблюм. Что это? Где я?

Вильгельмина. Вы все вспомните, вам только надо выбраться отсюда... Я же говорила вам, я же вас предупреждала не ходить сюда...

(Вильгельмина берет Розенблюма за руку и тянет за собой в переднюю. Розенблюм послушно делает несколько шагов, но вдруг останавливается и разворачивается. Ему преграждает дорогу хор).

Вильгельмина. Нет, только не туда!.. Идемте, идемте...

(Вильгельмина разворачивает Розенблюма обратно, лицом к передней и перед ним встает Призрак).

Призрак. Мальчик мой, посмотри на меня. Ты меня видишь?

Розенблюм. Папа?!..

Призрак. Идем, идем... Следуй за мной...

Розенблюм. Зачем?

Призрак. Идем, идем...

(Призрак, пятась, помахивая на себя ладонями, ведет Розенблюма, поддерживаемого Вильгельминой, в переднюю. За ними следует Хор. Уже на выходе Розенблюм вдруг останавливается).

Розенблюм. Куда ведешь? Я дальше не пойду!

(Хор сзади толкает Розенблюма так, что тот вылетает из комнаты. Все уходят).

КАРТИНА ВТОРАЯ

Гостиная в квартире тетки Розенблюма. На стене такой же портрет доктора, что и в его квартире. На диване возле камина страстно обнимаются и осыпают друг друга поцелуями тетка Розенблюма и член муниципалитета Борт. Тетка стягивает с Борта рубашку.

Борт (задыхаясь). Служанка не может войти?

Тетка. Нет. Я ее отправила...

(Тетка стягивает с Борта рубашку и в это время раздается звон дверного колокольчика. Борт вскакивает и хватается за рубашку).

Борт. Кто это?

Тетка. Представить не могу. Спрячься пока в мою комнату.

(Борт, натягивая на ходу рубашку, бросается к одной из дверей. Тетка идет открывать. Борт дергает за ручку - дверь заперта, кидается к другой двери - та тоже заперта. Борт начинает метаться по комнате в поисках укрытия и, наконец, забирается под стол. Через некоторое время из передней доносится голос тетки).

Голос тетки. Ты?! Вот не ожидала! Мне сказали, что ты ушел от доктора! Это правда? Но почему?

(Входят тетка и Розенблюм. Увидев фотографию доктора, Розенблюм вздрагивает. Тетка, проходя мимо рояля берет с него веер и обмахивается).

Тетка. Присаживайся.

(Тетка и Розенблум садятся на диван).

Тетка. Ты как-то изменился... повзрослел... и немного осунулся... ты плохо питаешься?

Розенблум. Тетя, у вас нет какой-нибудь веревочки? Я свою оставил дома.

Тетка. Веревочки?

Розенблум. Да, веревочки. Любой... это успокаивает нервы...

Тетка. Даже не знаю... Ну, вот, пакет с покупками... Такая подойдет?

(Тетка берет со столика пакет, развязывает его и передает ленточку Розенблumu).

Розенблум. Да-да, спасибо... (тотчас же начинает что-то плести).

Тетка. Так что случилось? Почему ты бросил лечение? Исчез, никого не предупредил... Где ты живешь я не знаю...

Розенблум. Мне надо было побыть одному... некоторое время...

Тетка. Ну, что за детские капризы!.. это же не игрушки... Я надеюсь, ты все таки вернешься?..

Розенблум. Да... возможно...

Тетка. Нет уж, не «возможно», а пожалуйста вернись... Доктор переживает, места себе не находит - где ты? что с тобой? Он же душой болеет за каждого своего пациента. Прошу тебя, не мучай его, вернись... Обещаешь?

Розенблум. Я вернусь... да... Тетушка, вам не доводилось встречать моего приятеля Гольденфарба?..

Тетка. Встречаю и очень часто. Да и сегодня наверное увижу - мы вечером едем с мужем в оперу, возможно он там будет... Он вообще оказался таким общительным молодым человеком и ведет довольно активный образ жизни. У него уже здесь масса друзей... Да и у барышень он, кажется, пользуется успехом... А что?

Розенблум. Мне надо бы с ним повидаться перед отъездом...

Тетка. Как - «перед отъездом»? Ты же не закончил курс у доктора!

Розенблум. Я закончу... да... а потом уеду...

Тетка. Ну, смотри... Я надеюсь, ты увезешь с собой довольно впечатлений?..

Розенблум. Да... довольно...

Тетка (с благоговением глядя на портрет доктора). Мы будем всю жизнь гордиться встречей с этим великим человеком! Это

светильник, который наконец рассеял эту ужасную тьму предрассудков! Посмотри, какой у него твердый, мужественный, пронизательный взгляд! (заметив, что Розенблюм не смотрит, берет его за подбородок и поворачивает лицом к портрету) Нет, ты посмотри, посмотри на это лицо!.. Когда я вижу его, во мне все начинает волноваться... даже мурашки бегут по коже... Я при каждой встрече с ним столько про себя узнаю, столько про себя начинаю понимать! Он, прям, как будто вытаскивает все это из меня одним только своим взглядом! Вот слушай, самый простой пример. Знаешь как он определил, что я не любила свою мать? В жизни не догадаешься! Он понял это сразу, как только узнал, что я обожаю говяжий язык и мне нравятся анютины глазки! Казалось бы: где говяжий язык и анютины глазки, а где моя мать - какая тут может быть связь? А очень просто: он заставил меня вспомнить, что невестка моей матери, тетя Магда - мы жили тогда в Праге - тоже любила говяжий язык. При этом тетя Магда всегда очень не любила мою мать. И вот я тоже полюбила говяжий язык, и в этом проявилась моя нелюбовь к матери, которую я тщательно скрывала. А анютины глазки я полюбила потому, что они как раз были любимыми цветами моей матери, и я их полюбила сразу же, как только полюбила говяжий язык. Во-первых, из чувства вины, ну и чтобы моя любовь к языку не так уж бросалась в глаза. Ну, что скажешь?

Розенблюм. Да... очень интересно...

Тетка. Я, конечно, тогда всего этого не понимала, я вообще всю жизнь думала, что любила свою мать и вот только сейчас выяснилось! Представляешь?.. Удивительный человек! Я трепещу - да, я трепещу как женщина, если хочешь, как самка, когда смотрю на него! Мне хочется выплеснуть наружу свое задавленное ли... как его... ли... бли... или бле... что-то вроде лебеды... или лабуды... как-то так... где-то у меня записано... в общем, весь этот инстинкт размножения!.. Ну, что ты такой грустный, мой мальчик (обнимает Розенблюма) Грустишь, что придется уезжать?.. Ну, обними-ка свою тетю, обними... (страстно целует).

Розенблюм (испуганно) Тетя...

(Тетка осыпает Розенблюма поцелуями, наваливается на него).

Голос из передней. Дорогая!

(Тетка и Розенблюм отскакивают друг от друга. Тетка берет веер).

Тетка (вполголоса). Да что это сегодня такое!.. просто проходной двор какой-то...

(Входит муж тетки. Розенблум поднимается и кивает. Муж подходит к нему и они пожимают друг другу руки).

Тетка. Что-то забыл?

Муж. Да, представь себе - отчет. Хотел послать секретаря, но побоялся, что он не найдет...

Тетка. А наш дорогой племянник собрался вот домой, в Америку.

Муж. Уже? Ну, что ж... доброго пути...

(Опять пожимает Розенблumu и в этот момент из под стола доносится громкое чихание).

Муж (испуганно, оглядываясь на стол). Что это?

Тетка. Что?

Муж (указывая пальцем). Там, под столом... Вы слышали?

(Муж подходит к столу, поднимает скатерть и заглядывает под стол).

Голос из под стола. Мяу.

Муж (изумленно). Господин Борт?!

Голос из под стола. Мяу.

(Муж испуганно задергивает скатерть и возвращается к дивану).

Муж (вполголоса). Там господин Борт.

Тетка. Ах, да, я совсем забыла.

Муж. А... что он там делает?

Тетка. Господин Борт сейчас лечится у доктора. Но он же не может сидеть у него под столом вместе со всеми остальными. Доктор попросил приютить его у нас хотя бы до вечера... Потому что я тебе уже сто раз говорила, что доктору нужна своя клиника и ему надо в этом помочь... Кстати, и господин Борт так считает... Ты мог бы, кстати, пользуясь случаем, обговорить с ним этот вопрос.

Муж. Прямо сейчас?

Тетка. А чего откладывать?

Муж. А почему он мяукает?

Тетка. Потому что господин Борт теперь человек-кот. Это выяснилось буквально вчера, после психоанального сеанса у

доктора... Кроме того, что господину Борту, как члену муниципалитета, вообще неприлично сидеть под общим столом, там еще есть крыса и собака, и доктор опасается как бы не было конфликтов...

Муж. А-а, понятно, понятно... Боже мой, у меня под столом сам господин Борт!

Тетка. Ну так пользуйся случаем...

Борт. Может быть налить ему молока?

Тетка. Я уже послала служанку.

Муж. Но он не потерял дар человеческой речи?

Тетка. Нет, конечно.

Муж. Тогда я прямо сейчас попробую с ним поговорить, можно?

Тетка. Попробуй.

Муж. А он не будет царапаться, или еще что-нибудь?..

Тетка. А ты будь с ним поласковой... погладь...

Муж. Хорошо, я попробую...

(Муж подходит к столу и осторожно стучит по столешнице).

Муж. Господин Борт, можно с вами поговорить?

Голос из под стола. Войдите.

(Муж приподнимает скатерть и залезает под стол).

Тетка (беря Розенблюма за руку). А может и нам к ним присоединиться, а?

Розенблюм (выдергивая руку, испуганно вскрикивает). Нет!

Тетка. Что с тобой? Аж побелел...

Розенблюм. Извините, тетя, мне надо идти... мне еще многое нужно успеть... Прощайте!

(Розенблюм кладет сплетенную салфетку на рояль и быстрым шагом уходит).

Тетка (берет и разглядывает салфетку). Какое дивное плетение! Где он этому научился?.. Однако, какой-то он сегодня странный...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комнатка Гольденфарба и Розенблюма. Стены комнаты и углы завешаны какими-то сплетенными из веревки панно. Поздний вечер. На своей кровати сидит Розенблюм; на полу, у его широко расставленных ног лежит один из чемоданов с поднятой крышкой. В руке у Розенблюма увесистый булжжик, который он протирает тряпкой. Входит разодетый - в цилиндре, с тростью и с цветком в петлице - подвыпивший Гольденфарб с бутылкой вина. Он ставит бутылку на стол, снимает пальто, вешает его на гвоздь в стене и тяжело опускается на свою кровать. Розенблюм, осмотрев начищенный камень, бросает его в чемодан и берет следующий).

Гольденфарб (окидывая взглядом стены). А ты, я смотрю, обустройстваешься тут потихоньку...

Розенблюм (кивая на чемодан). Как думаешь, этого хватит?

Гольденфарб. Ого, да у тебя, кажется, совсем в голове прояснилось! А у кого-то еще язык поворачивается утверждать, что наш доктор шарлатан... Думаю, что хватит... И потом, их же можно использовать не по одному разу... Ну что, рука теперь не дрогнет?

Розенблюм. Не дрогнет.

Гольденфарб. Убедился, что старик был прав?

Розенблюм. Да. Убедился. Только вряд ли и он вполне представлял что там на самом деле происходит... Я бы и сам не поверил, если бы не увидел все своими глазами...

Гольденфарб. Так ты и не верил! А теперь небось руки чешутся...

Розенблюм. А у тебя, по всей видимости, они чесаться перестали?..

Гольденфарб. Ой, ну только не надо вот этого, ладно? Время придет и они зачесутся.

Розенблюм. Время пришло. Я договорился со служанкой доктора на сегодня.

Гольденфарб. Как на сегодня?! Почему?!

Розенблюм. Потому что завтра она уезжает на три недели домой в деревню.

Гольденфарб. Ну так будет через три недели, а-й-яй!

Розенблюм. Еще три недели в этом свинарнике? (твердо качает головой) Ну уж нет.

Гольденфарб. (садясь) Послушай, я что-то не понимаю. Еще совсем недавно, если ты помнишь, мне приходилось уговаривать тебя...

Розенблюм. С тех пор...

Гольденфарб. Нет уж, постой. Ты это помнишь?

Розенблюм. Помню. И теперь благодарен тебе за это.

Гольденфарб. Вот и прекрасно. Но если бы мне не удалось тогда тебя переубедить, мы бы сейчас плыли в Америку. Однако я тебя переубедил и, следовательно, взял на себя всю ответственность за это предприятие. И, следовательно, я буду решать и определять сроки, понятно?

Розенблюм. Если ты со мной сегодня не пойдешь, я пойду один.

Гольденфарб. Ты в своем уме?

Розенблюм. Абсолютно. А вот у тебя, кажется, с этим проблемы. И ум твой помутился от того образа жизни, который ты здесь ведешь...

(Раздается стук в дверь).

Вот и она...

(Розенблюм бросает камень в чемодан, закрывает его, и идет открывать дверь. Входит Вильгельмина).

Вильгельмина. Добрый вечер, господа... вернее, доброй ночи...

(Гольденфарб встает и кивает. Розенблюм выдвигает перед Вильгельминой стул).

Розенблюм. Присаживайтесь, пожалуйста...

(Вильгельмина, кивнув, садится. Садится и Гольденфарб).

Гольденфарб. Хотите вина?

Вильгельмина. Нет, спасибо. (Розенблюму) Вы готовы?

Розенблюм. Да. Как думаете, нам никто не помешает?

Вильгельмина. Думаю, что нет... Это самое удобное время - животные обычно очень крепко спят после ночных допросов...

Розенблюм. Хром ночует у доктора?

Вильгельмина. Да.

Розенблюм (Гольденфарбу). Так что ты решил?

Гольденфарб. Я тебе уже сказал.

Розенблюм (размеренно кивая). Что ж, тогда я иду один.

Гольденфарб. Я хочу посмотреть как ты справишься с четырьмя чемоданами...

Розенблюм (надевая пальто). Ничего, я возьму извозчика, он поможет...

Гольденфарб. А, впрочем, я тебе их не дам.

Розенблюм. Как это не дашь?

Гольденфарб. А вот так. Не дам и все.

Розенблюм. Ну свою-то половину, два чемодана, я могу взять?..

Гольденфарб. Половину? Дай подумать... Нет, и половину не дам. Эти четыре чемодана на два не делятся. Такой вот арифметический парадокс...

Розенблюм. Ты не имеешь права!

(Гольденфарб достает из кармана колоду карт и трещит ею).

Гольденфарб. Можем сыграть на них. Как будем играть - сразу на чемоданы или сначала по маленькой, по камешку?..

Розенблюм. Я не умею играть.

Гольденфарб. Ничего, я тебя научу. Это просто.

Розенблюм. Ты безумен!

Гольденфарб. Жаль... ну, ладно, ладно, так уж и быть, бери свои чемоданы...

Розенблюм. Вильгельмина, подождите меня, я сейчас вернусь...

(Розенблюм направляется к выходу, но не дойдя возвращается)

Розенблюм. Может быть уступишь мне свои? Тебе же сейчас нужны деньги... Вот, все что у меня есть...

(Розенблюм вытягивает из кармана деньги и кладет на стол).

Гольденфарб. Чего ты добиваешься?

Вильгельмина. Господа, не ссорьтесь, прошу вас!.. Может быть перенесем на другой день? (приподнимается)

Розенблюм. Нет, Вильгельмина, сидите! Ничего переносить мы не будем. Сидите...

(Опустив голову, Розенблюм глубоко задумывается. Звучит музыка и Розенблюм начинает петь).

Розенблюм.

Жизнь задает вопросы все трудней.

Порой ее коварные задачи

гнетут неразрешимостью своей

и сердце обессиленное плачет.

Сомненьями болеем каждый день,

но нет страшней и тяжелей недуга,
 чем тот, когда сомненья злая тень
 на близкого, увы, ложится друга.
 О, узы дружбы, вас священной нет.
 Вас потерять - ужасней нет напасти.
 О, небо, вразуми, подай совет,
 как избежать нам этого несчастья!
 Сомненьями болеем каждый день...

Гольденфарб и Вильгельмина.

День ото дня коварнее задачи...

Розенблюм.

Гнетут неразрешимостью своей...

Розенблюм, Гольденфарб и Вильгельмина.

И сердце обессиленное плачет!.

Розенблюм (Вильгельмине). Я иду за извозчиком. Подождите меня здесь, я скоро...

(Розенблюм уходит. Вильгельмина и Гольденфарб сидят, опустив головы).

Вильгельмина. Господин Гольденфарб, а что это? (показывает на плетения).

Гольденфарб. (пожимая плечами) Не знаю... Розенблюм, кажется, увлекся макраме... ну и вот. И где он только этих веревок понабрал?..

Вильгельмина. Простите меня, господин Гольденфарб, что вмешиваюсь, но... Я не знаю толком что затеял ваш друг, но теперь только с ним я связываю надежду на спасение своего брата, и поэтому готова оказать ему любую помощь... И еще... ваш друг в большой опасности, господин Гольденфарб, и, может быть, это инстинкт самосохранения толкает его сейчас на самые решительные действия...

Гольденфарб. И кто же ему угрожает? Или что?

Вильгельмина. Видите ли, господин Гольденфарб, ваш друг, хотя я его и предупреждала, слишком много времени провел у доктора. Такое не проходит бесследно. Вот эти плетения... Вы знаете, что господин Розенблюм записан у доктора как человек-паук?..

Гольденфарб. Паук?

Вильгельмина. Да, паук... Вот откуда у него эта страсть к этому занятию. Вы ведь раньше не замечали за ним такого?

Гольденфарб. Да, вроде бы нет...

Вильгельмина. Наш херр доктор не так уж и безумен, как может показаться. И кое-что он умеет. Он сначала узнает какие страхи или навязчивости преследуют пациента, а потом... Не знаю как ему это удастся, но это так. Он просто какой-то злой чародей, злой гений... Так случилось и с моим братом... Он был ученым, биологом, занимался земноводными, и ему просто очень часто снились черепахи... безобидные животные... снилось как они плавают, ползают, спариваются, разговаривают с ним... и вот теперь он воображает себя одной из них... и сидит там... под столом... (плачет) А он, между прочим, лауреат Нобелевской премии...

Гольденфарб. Я ничего этого не знал... (в сторону) Кстати, интересно, а как спариваются черепахи?.. Но зачем доктору все это?..

Вильгельмина. Власть, господин Розенблюм... Власть над этими безропотными несчастными существами... я имею в виду пациентов... Ну и, конечно же, деньги... Среди его пациентов есть очень богатые люди. Вы себе и представить не можете сколько стоит это, так называемое, лечение... Все деньги, которые получил мой брат, уже давно у них...

Гольденфарб. Получается, что люди ему платят за то что он делает их безумными?

Вильгельмина. Выходит, что так... Но я хотела бы закончить свою мысль, господин Гольденфарб. Слава Богу, конечно, что вашему другу удалось все таки найти в себе силы и бежать оттуда, потому что еще немного и вы бы его больше никогда не увидели, если бы, только, сами не попали туда... И в этом большая заслуга вашего приемного отца...

Гольденфарб (в сильнейшем волнении). Отца?! Вы сказали - отца?! О чем вы?! Он что, приехал?!.. Вы видели его?!..

Вильгельмина. Не его, его дух. Он явился мне той ночью и заставил вывести господина Розенблюма из дома доктора...

Гольденфарб. Это правда?

Вильгельмина. Клянусь вам.

Гольденфарб. Что он вам еще говорил?

Вильгельмина. Он сказал, что уже месяц, как покинул этот мир, но до сих пор не может найти себе покоя. Он неоднократно пытался явиться вам, но ни разу не мог застать вас одного... извините...

(Розенблюм закусывает кулак и сокрушенно качает головой).

Гольденфарб. А ведь я что-то чувствовал... да, да... что-то как будто мерещилось... мелькало...

Вильгельмина. Но, что я хочу сказать, господин Гольденфарб... Опасность того, что господин Розенблум может вернуться по-прежнему остается. Я хорошо знаю доктора, его дочь и его ассистента Хрома - они этого просто так не оставят, они приложат все силы, чтобы вернуть его. Фрау Берта просто места себе не находит... и вот если они заполучат господина Розенблума обратно, то тогда ему уже оттуда не выбраться... Господи, и когда же все это кончится, весь этот кошмар!.. Я хочу только одного - поскорей выволить оттуда Адольфа и увезти его домой, в наши милые Альпы...

(Вильгельмина начинает петь).

Там далеко, в заброшенном селенье
Средь мирных пастбищ и густых...

Розенблум (входя). Все готово. Извозчик ждет внизу...

(Вильгельмина на полуслове замолкает и поднимается. Розенблум снимает с гвоздя свое пальто, надевает и берется за чемоданы).

Гольденфарб (поднимаясь). Я иду с вами. Розенблум...

(Гольденфарб порывисто подходит к Розенблуму и они крепко обнимаются).

Гольденфарб. Прости меня!.. Прощаешь?

Розенблум. Ты брат мне...

Гольденфарб. Мы вместе? Вместе до конца?

Розенблум. Как скажешь.

Гольденфарб. Мир?

Розенблум. Мир.

(Чуть отстранившись друг от друга, они крепкожимают друг другу руки и снова обнимаются).

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира доктора. Освещенная лунным светом гостиная. Розенблюм и Гольденфарб вместе с участниками хора втаскивают из прихожей четыре чемодана; присев, открывают их один за другим; Гольденфарб достает из одного из чемоданов мотки веревки. Участники хора отходят к печи, где уже сидят Эдип и Антигона. Часы в гостиной бьют четыре раза. Друзья некоторое время стоят, молча глядя на двери перед собой.

Гольденфарб. Ну что? Готов?

Розенблюм. Готов.

Гольденфарб. Начнем?

Розенблюм. Начнем.

(Розенблюм и Гольденфарб подходят к двери кабинета доктора, входят и оттуда доносится шум борьбы и крики: «Что такое?! Что случилось? Что это значит? Вы с ума сошли? Да как вы смеете!..»). Из кабинета пулей выскакивает, прихрамывая, Хром, бросается к окну, распахивает и кричит: «Караул! Спасите! Убивают!». Выбежавший вслед за ним Розенблюм валит его с ног. На помощь Розенблюму прибегает Гольденфарб и они начинают связывать Хрома. Хром продолжает кричать: «Караул! Помогите!» и Розенблюм затыкает ему кляпом рот. Из своих комнат почти одновременно появляются жена доктора и Берта).

Берта. Что тут происходит?

Жена. Дайте хотя бы ночью покоя!

Гольденфарб (Розенблюму, кивая на женщин). Этих тоже?

Розенблюм. Да, тоже.

(Розенблюм продолжает связывать Хрома, а Гольденфарб направляется к женщинам).

Хор. Жену не трогайте! Она здесь не при чем.

Она сама тут жертва. Дочку можно.

И даже нужно - ядовитый плод,
недалеко упавший от папаша
не должен вызреть и распространять
посеянную им заразу.

Вяжи ее!

(Гольденфарб хватает Берту, валит на пол и начинает связывать. Жена доктора поспешно закрывается у себя в комнате на ключ. Берта безуспешно пытается отбиваться).

Берта. Что вы делаете? Пустите! Что это за веревки? Зачем вы меня связываете? Это изнасилование?

Хор. Не надейся.

Берта. А что это?

Хор. Еще не поняла?

О, эти люди! Что за существа!

Чем пристальней им смерть глядит в глаза,
тем фантастичней и причудливей надежда.

Берта. Нет! Я не хочу! Не надо! Пожалуйста! Розенблюм, Розенблюмчик, дорогой, почему ты молчишь? Скажи что-нибудь! Подойди ко мне, прошу тебя, умоляю!.. Радость моя! Розенблюмчик!.. Мне страшно!

Розенблюм. Закрой ей рот.

Берта. Не надо! Постой! Я давно хотела тебе сказать, что с самого первого дня...

(Гольденфарб засовывает в рот Берте кляп).

Хор. Вот так-то лучше.

(Связав Берту, Гольденфарб тащит ее к простенку между дверями и ставит там на колени; то же самое проделывает Розенблюм с Хромом; а Гольденфарб между тем выволакивает из кабинета доктора и ставит его между Хромом и Бертой. Все трое дергаются и мычат).

Хор. Эй, ясновидец великий,
Снов толкователь искусный!
Видишь, лежат чемоданы?
Их содержимое станет
через минуту твоим.

(Доктор мычит и яростно качает головой).

Хор. Пора. Уж утро скоро. Начинайте.
Тем более сюда уже идут...

Гольденфарб (дотрагиваясь до плеча Розенблюма). Давай.

Розенблюм (откашлявшись).

Херр доктор, вам пришел конец.
 Во исполненье воли вашего отца,
 всю жизнь прожившего в согласии с Всевышним,
 мы вас сейчас забьем камнями насмерть.
 Вот они, собранные в Палестине,
 где наши предки, долгими веками
 неукоснительно законы соблюдая,
 нещадно истребляли вам подобных.
 Вы, любодей, кровосмеситель, мужеложник,
 чьи злодеяния в делах и измышленьях
 все мыслимые перешли пределы,
 должны покинуть этот мир, иначе
 наполненная гневом Божьим чаша
 на всех на нас прольется и спасенья
 тогда уже не будет никому.
 Пришел конец долготерпенью, хватит
 сквернить своим существованьем землю,
 вводить в соблазн и растлевать нестойких
 и гнать путями нечестивых на погибель.
 И пусть и там, куда вы попадете,
 вас встретят так, как мы сейчас проводим.

(В этот момент из под стола с рычанием выскакивает Гау и впивается зубами в руку Розенблюма. Гольденфарб хватает из чемодана камень и бьет Гау по голове. Тот, скуля, подползает к доктору и, лизнув его в лицо, падает у его ног замертво).

Розенблюм. Кровь ваша на вас. Я все сказал. Умрите.

(Розенблюм и Гольденфарб принимаются метать камни в доктора, Хрома и Берту. Это продолжается некоторое время, пока все трое не падают один за другим бездыханными.

В это время в передней раздаются шум и голоса и в гостиную вбегают полицеймейстер с полицейскими. Они стреляют в Розенблюма и Гольденфарба. Те падают и в падении сдвигают или переворачивают стол, под которым оказывается человек пятнадцать перепуганных, дрожащих пациентов доктора. Полицеймейстер подходит и выпускает еще по несколько пуль в Розенблюма и Гольденфарба. Потом подходит и склоняется над доктором,

Хромом, Бертой и Гау. Розенблум и Гольденфарб лежат на спине, повернув лица друг к другу).

Розенблум. Прощай, Гольденфарб...

Гольденфарб. Прощай, Розенблум...

(Они из последних сил тянут друг к другу руки, но, не дотянувшись, умирают. Тела убитых - доктора, Хрома и Берты - полицейские освобождают от веревок. К группе пациентов подбегает Вильгельмина. Она хватает одного из пациентов, человека-черепаху за воротник халата и, согнувшись, тянет в сторону передней; тот послушно, но очень медленно ползет, едва передвигая конечностями. Их передвижение по сцене продолжается вплоть до тех пор пока не опускается занавес).

Эдип. Все кончено?

Антигона. Увы. Герои пали.

Эдип. Отмстив за нас с тобою, Антигона...

Антигона. Отмстив за всех отцов и дочерей,
сынов и матерей, сестер и братьев...

Эдип. Ваш подвиг в нашей памяти навечно
И ваши имена навеки с нами.
Прощайте Гольденблум и Розенфарб!

Антигона. Наоборот.

Эдип. Какая разница? Ну ладно:
Прощайте Розенфарб и Гольденблум!

Антигона. Пусть будет так. Вставай. Пора идти нам.
Уж воронье слетается... Идем.

(Хор уходит. В гостиную стремительно входит Борт со свитой).

Борт. Что это? Нет! Глазам своим не верю!
Что вижу я? Следы кровавой бойни!
Растерзанные трупы среди камней!
Обезображенные дорогие лица!
О милые покойники мои!
Хром! Берта! Человек-собака!
И наш херр доктор! Где взять столько слез,
чтобы оплакать страшную утрату!
Крепись мой разум! Сердце, из груди,
молю, не выскочи! Вмиг, в одночасье сорван
весь цвет психоанализа! О, горе!

О, горе горькое без края и конца!
 Остались сиротами дети-пациенты,
 осиротели все мы - те, которым
 закрывший тут глаза глаза открыл.
 Что ж... Слава им, невинноубиенным,
 сложившим жизни на алтарь науки!
 Пусть их положат в эти чемоданы,
 принесшие им гибель и бессмертье
 и медленно, под плачущие звуки
 торжественного траурного марша,
 под гром артиллерийской канонады
 несут по улицам осиротевшей Вены,
 чтоб каждый встречный, голову склоняя,
 смог с нами боль потери разделить.
 Я объявляю семидневный траур!

(Звучат фанфары. Полицейские кладут тела доктора, Хрома, Берты и Гау в чемоданы, берут чемоданы на плечи и шествие медленно покидает гостиную. За сценой раздаются пушечные залпы.

Некоторое время спустя, когда звуки марша и канонады почти стихают, в гостиной появляется призрак отца доктора. Он подходит к телам Розенблюма и Гольденфарба, садится между ними, поджав ноги, берет их ладони и соединяет в своих).

Призрак. Уснули мальчики мои... Что ж, спите...
 Вы мир спасли... Вам надо отдохнуть...
 А я ваш сон посторожу покамест...
 Когда проснетесь, встретимся мы вновь
 и ваша боль забудется, как сон...
 На смену ей придут покой и радость...
 покой и радость...
 радость и покой...
 Спокойно спите, я вас подожду...

(Призрак прижимает ладони друзей к своей щеке и, медленно раскачиваясь, начинает тихо напевать что-то грустное и нежное. Свет постепенно гаснет, но песня, затихая, еще звучит некоторое время).

